

Это одна из тех пронзительных книг, которые
остаются в памяти. *Publishers Weekly*

Shortlist 2013

Man Booker Prize

ДЖУМПА ЛАХИРИ

НИЗИНА

роман

Джумпа Лахири Низина

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9821524
Низина. Роман: Центрполиграф; Москва; 2015
ISBN 978-5-227-05671-9*

Аннотация

Роман Джумпы Лахири – лауреата Пулитцеровской премии – классическая семейная сага, в центре которой два брата. Мальчишки счастливы в родительском доме на краю низины, где растут водяные гиацинты и где им знаком каждый уголок. Они не представляют жизни друг без друга. Но когда они вырастут, им предстоят разные пути-дороги и любовь к одной и той же женщине. Для младшего эта любовь станет счастьем, а для старшего – драмой на всю жизнь...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	10
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	26
Часть вторая	35
Глава 1	35
Глава 2	42
Глава 3	50
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джумпа Лахири

Низина

Роман

Jhumpa Lahiri
The Lowland

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Copyright © 2013 by Jhumpa Lahiri

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Посвящается Кэтрин, всегда верившей в меня, и Альберто, который прошел со мной этот трудный путь

*lascia ch'io torni al mio paese sepolto
nell'erba come in un mare caldo e pesante.*

*...дай вернуться мне в город родной,
что покоится средь теплой зыби трав.*

Джорджо Басани. Saluto a Roma

Часть первая

Глава 1

Маленькая мечеть высится за развилкой на Дешапран-Сашмаль-Роуд, к востоку от «Толли-клуб». От нее дорога поворачивает к тихому жилому кварталчику с узкими улочками, густо утыканными домами среднего класса.

Когда-то этот кварталчик украшали два продолговатых пруда, расположенные бок о бок. А за ними на несколько акров раскинулась низина.

После муссонных дождей, когда выпадала годовая порция осадков, вода прудов заливала разделявшую их дамбу и затоплила низину фута на три или четыре.

Через короткое время затопленная равнина густо покрывалась водяным гиацинтом. Этот плавающий сорняк буйно разрастался вширь и придавал водной поверхности обманчивый вид твердой почвы. Его сочная зелень ярко контрастировала с синевой неба.

По обочинам затопленной низины были разбросаны простые убогие хижины. Бедняки бродили здесь в поисках чего-нибудь съедобного. Осенью прилетали цапли. В своем потемневшем от городской копоти белом оперении они неподвижно стояли на одной ноге и подкарауливали добычу.

В сыром климате Калькутты влага испарялась медленно, но солнце все-таки высушивало воду, и снова оголялась вязкая земля.

Субхаш и Удаян часто пересекали эту низину – так быстрее можно было добраться до поля, где они играли в футбол. По пути мальчики старательно перешагивали через еще оставшиеся лужицы и коврики гиацинтовых листьев, вдыхая напитанный влагой воздух.

А местная живность уже всю готовилась к сезону засухи. Одни откладывали яйца, способные выдержать период лютого зноя. Другие, чтобы выжить, зарывались в ил и без всякой жизнедеятельности ожидали следующего периода дождей.

Глава 2

Братья никогда не бывали на территории «Толли-клуб» – только сотни раз, как и большинство местных жителей, проходили мимо его деревянных ворот и кирпичных стен.

Поверх невысоких стен их отец любил наблюдать за лошадиными бегами. Он смотрел отсюда, с улицы, вместе с другими людьми, неспособными раскошелиться на входной билет, но делавшими ставки между собой. Так было возможно до середины сороковых годов. Но после Второй мировой войны стены надстроили, лишив простой люд бесплатного зрелища. То есть высокие стены появились до рождения Субхаша и Удаяна.

Их сосед Бисмилла работал в клубе кэдди, то есть был помощником игроков, носил их снаряжение. Еще он продавал за небольшую плату кем-то потерянные или забытые на поле мячи для гольфа. Некоторые мячи потрескались от ударов клюшкой, и в прорехи виднелось розовое резиновое нутро. Бисмилла был мусульманином, оставшимся в Толлиганге после Раздела.

Сначала ребята лупили по этим порченным мячикам простыми палками. Потом Бисмилла продал им погнутую клюшку, которой какой-то расстроенный игрок в сердцах врезал по дереву.

Бисмилла показал им правильную позу для удара и научил правильно держать клюшку. Они нарыли себе в грязи лунки и принялись загонять туда мячи. Конечно, для ударов на разные расстояния требовались разные клюшки, но они пользовались своей единственной. Гольф все-таки сильно отличался от футбола или крикета. Это не та игра, где можно здорово импровизировать.

На влажной земле их поля Бисмилла начертил план «Толли-клуб». И еще на словах объяснил, что бассейн, конюшни и теннисный корт расположены рядом со зданием клуба. А в самом здании – рестораны, где подают чай в серебряных чайниках, и специальные залы для игры в бильярд и бридж. Там из граммофонов несется музыка, и бармены в белых одеждах приготавливают напитки с чудными названиями – «дама в розовом» и «шипучий джин».

Недавно хозяева клуба дополнительно надстроили еще стены, чтобы оградить территорию от проникновения посторонних, но, по словам Бисмиллы, на западной оконечности еще осталась часть ограждения из простой проволоочной сетки.

Братья дождались приближения сумерек, когда гольфисты из-за назойливых туч комаров зайдут в здание, будут там пить коктейли. Других мальчишек они в свою затею не посвящали. Ребята дошли до мечети на углу, выделявшейся среди других строений своими красно-белыми минаретами, и свернули на главную дорогу. Они несли с собой клюшку и две пустые керосиновые канистры.

Их путь лежал через территорию «Техностудии» к заливным лугам, где некогда воды реки Ади-Ганга доставляли парусные суда британцев в дельту.

Теперь на этой заболоченной местности жили индусы, бежавшие в свое время из Дхаки, Раджшайи и Читтагонга. Люди лишились родных мест, а Калькутта хоть и дала приют, но словно бы их не замечала. После Раздела, примерно десять лет назад, эти люди наводнили Толлиганг, как муссонные дожди низину.

Кто-то из государственных рабочих получил жилье по программе обмена, но остальных ждала обычная участь беженцев, оторванных от земли предков и прибывавших сюда волнообразными наплывами. Сначала это был проворный ручеек, потом – стремительный поток. Субхаш и Удаян помнили их. Помнили мрачную вереницу людей с узлами скорба на головах и детишками, примотанными тряпьем к родительским грудям. Они напоминали бредущее понурое стадо.

Беженцы городили себе жилища с крышами из тростника и стенами из бамбуковой плетенки. Они ютились в тесноте и в немыслимой грязи, без электричества, рядом с мусорными кучами.

Собственно говоря, из-за них река Ади-Ганга, на берегу которой располагался «Толли-клуб», превратилась теперь в некое подобие канализационной трубы на юго-востоке Калькутты. Вот поэтому клуб и обзавелся дополнительными стенами.

Субхаш и Удаян не нашли никакой проволочной сетки. Они просто остановились там, где стена была пониже. Здесь через нее можно было перелезть. Карманы шорт у мальчишек оттопыривали мячи для гольфа. Бисмилла сказал, что на территории они найдут еще много таких валяющихся мячей на земле, как стручки тамариндовых деревьев.

Удаян перебросил через стену клюшку и одну из канистр. На другую канистру встал Субхаш.

– Сложи руки в замок! – сказал Удаян.

В те времена ростом он был на несколько дюймов ниже брата.

Субхаш сложил руки в замок и тут же ощутил на них тяжесть ноги брата, потертую подошву его сандалии, затем вес его тела. От тяжести он даже немного присел. Удаян проворно вскарабкался на стену и уселся поперек, как в седле, свесив ноги.

– Мне постоять на стреме снаружи? – спросил Субхаш.

– Да ну, тоже мне радость...

– А что ты там видишь?

– Залезай сам и посмотришь.

Субхаш прислонил плотнее к стене канистру, встал на нее и вдруг почувствовал, как прогнулась под его весом непрочная опора.

– Ну, давай, Субхаш!

Удаян перевалился через стену, держась за край одними пальцами, потом разжал их и плюхнулся вниз. Субхашу было слышно только его пыхтение.

– Ты в порядке?

– Ну да. Давай теперь ты!

Субхаш ухватился руками за стену и, согнув колени, подтянулся. Он даже не знал, что расстраивало его больше – отвага брата или собственная трусоватость. Субхашу уже исполнилось тринадцать лет, а Удаян был на пятнадцать месяцев младше. Но Субхаш как-то совсем не воспринимал себя отдельно от брата. Младший брат всегда, неизменно присутствовал во всех, даже в самых ранних, его воспоминаниях.

Они вдруг оказались словно бы уже и не в Толлиганге. Из-за стены по-прежнему слышался шум улицы, но ребята уже не могли видеть ее. Теперь их окружали толстенные стволы курупит и эвкалиптов, густые кусты каллистемона и плюмерий.

Субхаш никогда не видел такой травы – словно расстеленный на земле ковер. Волнистый ковер, повторявший очертания песчаных дюн в пустыне или возмущенной поверхности моря. Этот яркий ковер так идеально подстригли, что на ощупь он показался сродни мху. Земля под этим «мхом» была гладкой, как лысая голова, и на ее фоне трава казалась значительно светлее.

Подросток никогда в жизни не видел сразу столько цапель, взмывавших в воздух при его приближении. Деревья отбрасывали сумеречные тени на лужайки. Их гладкие ветви стыдливо колыхались, словно женские груди под одеждой.

Оба брата испытывали волнительную оторопь от увиденного великолепия на закрытой территории, их тут же охватил страх быть пойманными. Но подростков не засек ни один сторож, ни один пеший или конный охранник, никто не заметил и не погнался отсюда.

Про свой страх они забыли, как только увидели множество флажков, воткнутых там и сям, и вырытые в земле лунки с покрытием внутри. Повсюду в песчаных ямках блестела вода. Своими очертаниями они напоминали каплю, если ее разглядывать в микроскоп.

Братья старались держаться подальше от главного входа, не решались приблизиться к зданию клуба, где парочки иностранцев прогуливались под ручку или сидели в плетеных креслах. Бисмилла уже несколько раз им рассказывал про день рождения ребенка из британской семьи, оставшейся жить в Индии, – про этот праздник с вкусным мороженым, катанием на пони и тортом, в котором горят свечи. Хотя премьер-министром был Джавахарлал Неру, главную приемную залу украшал портрет молодой английской королевы Елизаветы II.

В дальнем пустынном углу этих владений, где кроме братьев был еще только случайно забредший буйвол, Удаян неистово бил по мячу. Задрал руки над головой и принимая нужные позы, он размахивал клюшкой, словно боевым мечом. Когда Удаян слегка повредил лужайку и уже утопил несколько мячиков в одном искусственном водоеме, тогда братья отправились искать мячи на поле.

Субхаш стоял на стреме и прислушивался, не раздастся ли на дорожке из битого красного кирпича приближающийся стук копыт. Но пока ему было слышно только, как дятел долбит клювом дерево и как где-то на территории человек косит траву.

Поодаль там и сям виднелись рыжевато-коричневые в серую крапинку шкуры рассевавшихся на траве шакалов в ожидании наступления ночи. Некоторые животные, как только сумерки чуть сгустились, уже начали делать первые пробные вылазки в поисках добычи. Их отрывочные подвывания эхом разносились по округе, давая мальчишкам понять: час поздний и пора им возвращаться домой.

Канистрами мальчишки распорядились так: одной снаружи поместили место преодоления стены, а другую спрятали на территории в кустах.

Когда они потом приходили сюда, Субхаш собирал птичьи перья и дикий миндаль, любовался стервятниками – как они купались в лужах, а потом сушили растопыренные крылья.

Однажды он нашел яичко, выпавшее из гнезда какой-то пичужки. Он бережно отнес яичко домой и поместил его в керамическую банку из-под магазинных сладостей, на дно положил несколько прутьев. А когда из яичка никто не вылупился, зарыл его за домом в саду, под манговым деревом.

* * *

Как-то вечером ребята перебросили через стену клюшку, перелезли наружу и не нашли другую канистру. И они принялись искать пропажу практически в потемках.

– Ее, наверное, кто-то взял, – сказал Удаян.

– Не это ли ищете, ребята? – Полицейский, патрулировавший окрестности клуба, появился словно ниоткуда.

В сумеречном свете они все же сразу разглядели рослого человека в полицейской форме с канистрой в руках.

Он сделал к ним несколько шагов, заметил валяющуюся на земле клюшку, подобрал ее и стал разглядывать. Затем поставил канистру, включил фонарик, и луч осветил мальчишек с головы до ног.

– Братья?

Субхаш кивнул.

– Что у вас в карманах?

Они вынули из карманов мячики для гольфа и отдали полицейскому. Тот рассовал их по своим карманам, а один мячик начал подбрасывать в воздух и ловить.

– Откуда у вас эти мячики?

Братья молчали.

– Вас кто-то пригласил поиграть сегодня в клубе в гольф?

Они помотали головами.

– Мне вряд ли следует объяснять вам, что это закрытая территория, – сказал полицейский и, вытянув клюшку, придержал Субхаша за плечо.

– Вы сегодня первый раз здесь?

– Нет.

– Это была твоя идея? По-моему, ты достаточно большой и должен понимать, что таких вещей делать нельзя.

– Это была моя идея, – признался Удаян.

– Какой у тебя преданный брат, – сказал полицейский Субхашу. – Хочет выгородить тебя, взять вину на себя. Сегодня я закрою глаза на ваш проступок. Не пойду жаловаться в клуб при одном условии: этого больше не повторится.

– Мы больше не придем сюда, – поспешил уверить его Субхаш.

– Вот и хорошо. А теперь скажите-ка: мне отвести вас домой к родителям, или мы закончим наш разговор здесь?

– Здесь.

– Тогда повернись-ка. Ты один!

Субхаш повернулся лицом к стене.

– Сделай один шаг вперед!

Субхаш почувствовал, как стальная клюшка ударила его по заднице, потом ниже по ляжкам. От второго удара – на самом деле только короткого прикосновения – он присел на четвереньки. Те рубцы заживали у него много дней.

Родители никогда не били их. Он сначала не почувствовал ничего – только онемение. А потом ощущение стало такое, словно ему на кожу плеснули кипятком.

– Перестаньте! – крикнул полицейскому Удаян.

Он встал на четвереньки рядом с Субхашем и одной рукой обнял его за плечи – так пытался защитить.

С опущенными головами и закрытыми глазами, обнявшись за плечи, братья стояли на коленях. Субхаша мучило от полученных ударов. Он ждал новых, но больше ничего не было. Они слышали, как брошенная через стену клюшка упала на землю, навсегда оставшись на территории клуба. Полицейский, который больше ничего не собирался с ними делать, ушел.

Глава 3

Субхаш с детства был осмотрительным. Матери не приходилось гоняться за ним. Он все время находился на глазах, когда она хлопотала у плиты или расшивала сари и блузы для заказчиц местного дамского портного. Или же мальчик помогал отцу сажать георгины, которые тот выращивал в горшках во дворе, яркие цветочные шары – лиловые, оранжевые, розовые, иногда с белыми кончиками на лепестках. Они, казалось, пламенели разноцветным живым костром на фоне унылой стены двора.

Субхаш всегда ждал, когда на улице стихнут игры и крики. Больше всего он любил оставаться один, или когда ему казалось, что он один. Любил по утрам лежать в постели и наблюдать, как солнечный свет мечется по стене, словно беспокойная птица.

Мальчик клал под стеклянный колпак абажура насекомых и наблюдал за ними. А в небольшом пруду неподалеку от дома, где мать иногда, вместо не пришедшей домработницы, мыла посуду, он ловил в мутной воде лягушек. «Он обитает в каком-то своем мире», – говорили о нем иногда родственники, когда им случалось собраться вместе.

А вот Удаян, наоборот, вечно где-то пропадал. Даже в доме, состоявшем всего из двух комнат, он умудрялся где-нибудь спрятаться – то под кроватью, то за дверью, то в крохотном чуланчике, где хранились зимние стеганые одеяла.

Это у него была такая игра – неожиданно спрятаться или исчезнуть. Иногда он сбегал в сад, взбирался на дерево и тихо сидел. Мать же отрывалась от своих дел и в страхе повсюду искала и звала его, но не получала от ребенка никакого отклика. А Субхаш наблюдал за матерью, пока та разыскивала Удаяна, и видел на лице ее страх, приходивший к ней вместе с мыслью, что она может не найти сына.

Когда братья подросли и им стали разрешать отлучаться со двора, то было строго-настрого наказано: не терять друг друга из виду. Они вместе бродили по извилистым улочкам квартала, отправлялись за пруды и через низину на большое поле, где собирались другие мальчишки со всей округи. Они ходили к мечети на углу – посидеть на ее прохладных мраморных ступенях, иногда послушать там трансляцию футбольного матча, доносившуюся из чьего-нибудь репродуктора; сторож мечети никогда не гонял их.

Наконец им разрешили покидать пределы квартала и пойти в город. Ходить так далеко, пока не устанут ноги, самостоятельно кататься на трамвае и автобусе. И все же угловая мечеть – это место духовного поклонения иноверцев – продолжала оставаться главным ориентиром в походах.

В какой-то момент Удаян предложил подойти к «Техностудии», где Сатьяджит Рай снял свой «Патер Панчали» и где проводили свои дни бенгальские кинозвезды. Знакомый парень, работавший на студии, иногда проводил их на съемочную площадку – в эту гущу переплетенных кабелей и проводов, залитую ослепительным светом софитов. После окрика, призванного к тишине, после звука хлопушки они наблюдали, как режиссер и вся киносъемочная команда снимали и переснимали одну и ту же сцену, добиваясь совершенства, подчас тратили целый рабочий день ради одного коротенького мига на пленке.

Им доводилось мельком увидеть красавиц актрис, когда те, прикрываясь солнечными очками, выходили из гримерок и садились в автомобили. Удаян иногда просил у актеров автограф. Он не знал стеснения и скованности – как некоторые животные, видящие мир в черно-белых цветах, не знают других. Но Субхаш всячески старался минимизировать свое видимое присутствие так же, как многие животные стремятся слиться с древесной корой или травой.

Братья были очень разные, и тем не менее их постоянно путали – когда кого-нибудь из них окликали по имени, приходилось отзываться обоим. И голоса были почти одинаковыми.

Сидя за шахматной доской, они напоминали зеркальные отражения – одна нога согнута, другая вытянута наружу, кулачок подпирает подбородок, локоть уперт в колено.

Они и телосложением были схожи до того, что имели общую одежду. У обоих цвет лица имел легкий медный оттенок, доставшийся им от родителей. И пальцы их, и четкие рубленые черты, и волнистые волосы были почти идентичны.

Субхаш все гадал, не расценивают ли родители его спокойный характер как отсутствие смысленности и изобретательности или даже слабохарактерности. Родителям не приходилось из-за него переживать, но от этого он не стал у них любимчиком. Поскольку он не способен был ни удивить чем-либо, ни впечатлить родителей, его задачей было просто слушаться. А удивлял и впечатлял родителей Удаян.

Даже во дворике отчего дома навсегда увековечилась озорная натура Удайна-сорванца. Цепочка его следов, отпечатавшихся, когда наконец принялись мостить грязный двор. В тот день сыновьям велели не выходить из дома до тех пор, пока не застынет раствор.

Все утро мальчишки наблюдали, как рабочий месил в тачке цементный раствор и потом ровненько размазывал и разглаживал его мастерком. «Двадцать четыре часа не ходить здесь!» – предупредил их рабочий перед уходом.

Субхаш послушно смотрел в окно и не выходил из дома. Но Удаян, стоило только матери отвернуться, сразу же пробежал по длиннющей доске, которую временно перекинули от порога до улицы.

Где-то на середине доски он потерял равновесие, и на не застывшем еще цементе осталась цепочка следов его босых стоп.

На следующий день снова пришел рабочий. К тому времени раствор уже застыл вместе с отпечатками Удаиновых ног. Единственное, что можно было сделать для устранения изъяна, – это положить новый слой раствора. Субхаш гадал, накажут ли брата на этот раз.

Но отец решил оставить все как есть. Не ради сбережения сил или средств, а потому, что не хотел замазывать следы младшего сына.

Так этот изъян превратился в достопримечательность дома. Достопримечательность, на которую сразу обращали внимание гости, которая стала их первым семейным анекдотом.

Субхаш мог пойти в школу на год раньше, но ради удобства (еще посчитались с Удайном, не пожелавшим, чтобы брат ходил в школу без него) их отдали в один класс. В бенгальскую среднюю школу для мальчиков из простых семей, находившуюся за трамвайным депо и за христианским кладбищем.

В одинаковых тетрадках они записывали новые для себя знания об истории Индии, об основании Калькутты, чертили карты, знакомились с географией остального мира.

Они узнали, что Толлиганг был отстроен на мелиорированных землях. Что несколько сотен лет назад, когда течение Бенгальского залива было гораздо сильнее, здесь была болотистая местность с мангровыми зарослями. Что пруды, заливные луга и низина – остатки того явления.

На уроках, для лучшего усвоения знаний, они рисовали мангровые деревья – их густо переплетенные корни, расположенные над поверхностью воды, их специальные поры для потребления воздуха, их продолговатые, похожие на сигары черенки, называемые «пропагулами».

Они узнали, что пропагулы во время отлива пускают поросль вокруг «родителей» в зыбкой солоноватой трясине. А в период прилива они не приживаются и уплывают из родных мест и могут блуждать целый год, пока не найдут подходящих условий для укоренения.

Англичане начали осушать эти заболоченные джунгли и застраивать их жильем. В 1770 году за пределами южной окраины Калькутты они основали пригород, здесь селилось

больше европейцев, нежели индийцев. В пригороде можно было встретить дикого зверя и даже такую редкую птицу, как зимородок.

Майор Уильям Толли провел углубление, расширение, выправление и очистку русла экскаваторами со специальными ковшами, от этого улучшилось течение Ади-Ганги, которая в этом месте стала называться Руслом Толли. Благодаря этим деяниям он наладил торговую речную связь между Калькуттой и Восточной Бенгалией.

Территория «Толли-клуб» изначально принадлежала Ричарду Джонсону, председателю правления Генерального банка Индии. В 1785 году он построил здесь виллу в античном стиле. Из всех субтропических краев мира в Толлиганг свозились заморские деревья.

В начале XIX века в поместье Джонсона Британская Восточно-Индийская компания заключила под надзор вдов и сыновей султана Типу, правителя Майсура, – после того как султан Типу был убит в ходе Четвертой англо-майсурской войны.

Арестованную семью привезли сюда из Шрирангапатны, с дальних юго-западных рубежей Индии. После освобождения им были пожалованы земельные наделы в Толлиганге. А по мере того как англичане стали сдвигаться к центру Калькутты, Толлиганг постепенно становился преимущественно мусульманским пригородом.

После Раздела, снова обратившего мусульман в меньшинство, названия многих улиц остались как наследие свергнутой династии Типу: Султан Аллам-Роуд, Принц Бахтияр-шах-Роуд, Принц Гулям-Мохаммад-шах-Роуд, Принц Рахимуддин-Лейн.

Гулям Мохаммад построил в Дхарматале большую мечеть в честь своего отца. Как раз в то время ему разрешено было поселиться на вилле Джонсона. Но к 1895 году, когда шотландец Уильям Крукшэнк в поисках потерявшейся на охоте собаки забрел вместе со своей лошадью в эту местность, в заросшем диким плющом огромном заброшенном доме обитали только маленькие зверьки циветты.

Стараниями Крукшэнка заброшенный особняк отреставрировали, а на месте усадьбы основали загородный клуб. Крукшэнк был провозглашен его первым президентом. Так что именно ради британцев в начале 1930-х годов трамвайные линии продлили далеко на юг. Это сделали для того, чтобы англичане легче добирались, минуя городскую сутолоку, до «Толли-клуб», где они могли вращаться в почти европейском обществе.

В старших классах братья изучали оптику и динамику, таблицу химических элементов, законы распространения света и звука. Они узнали об открытых Герцем электромагнитных волнах, об экспериментах Маркони в области беспроводных передач. Бенгалец Джагадиш Чандра Боуз на своей лекции в здании ратуши Калькутты продемонстрировал, как электромагнитные волны могут поджигать порох и на расстоянии заставляют звонить колокольчик.

Каждый вечер братья с карандашами и ластиками устраивались за домашней металлической партой и корпели над учебниками и тетрадками, при этом не забывали о продолжающейся партии на разложенной рядом шахматной доске. Они засиживались над уравнениями и формулами до глубокой ночи, чью тишь время от времени пререзывал вой шакалов с территории «Толли-клуб». А иной раз мальчики засиживались и до вороньих свар, оповещавших о начале нового дня.

Удаян не боялся спорить с учителями о гидравлике и о тектонике земных пластов. Он спорил запальчиво, отчаянно жестикулируя, чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, чтобы привлечь внимание к своему мнению. Его оживленная жестикуляция как бы показывала, что ему хочется потрогать руками все эти молекулы и частицы. Иногда учителя даже выставляли его за дверь, говоря, что он мешает учиться своим одноклассникам. Действительно, он давным-давно уже обогнал всех ровесников в учебе.

Потом, для подготовки к вступительным экзаменам в колледж, братьям наняли платного репетитора, для чего мать стала брать на дом дополнительную швейную работу. Репе-

титор был абсолютно лишен чувства юмора, его немигающие глаза казались вечно вытаращенными за стеклами очков. Этот строгий дядька приходил к ним в дом каждый вечер, чтобы еще раз погонять ребят по корпускулярно-волновой теории света, по законам преломления и отражения. С ним братья вызубрили принцип Ферма, чья формулировка гласила: луч света, проходя между двумя точками, распространяется по тому пути, который занимает меньше всего времени.

Как только Удаян начал разбираться в электрических схемах, то заинтересовался домашней электропроводкой. Он обзавелся набором инструментов, научился устранять обрывы в проводах и чинить поломанные выключатели, соединять провода, зачищать их и паять. Он подтрунивал над матерью, которая так боялась, что ее стукнет током, и до выключателя дотрагивалась, только обернув палец подолом сари.

Когда перегорали пробки, Удаян надевал резиновые калоши и бесстрашно лез в щиток их менять, а Субхаш стоял в сторонке и светил ему фонариком.

Однажды Удаян вернулся домой с мотком электропровода и взялся устанавливать на входной двери звонок. Он подключил его к трансформатору в щитке, а рядом с дверью прикрутил черненькую кнопку и подвел провода.

Когда все было готово, Удаян сказал брату, что теперь при помощи этого зуммера они смогут освоить морзянку.

Из взятой в библиотеке книжки по телеграфии Удаян выписал знаки азбуки Морзе – точки и тире, – соответствующие буквам алфавита. В двух экземплярах – для себя и брата.

Тире было в три раза длиннее точки. После каждой точки и после каждого тире необходима была пауза. Буквы полагалось разделять между собой тремя точками, а слова – семью. Братья решили обозначить себя заглавными буквами своих имен. Буква «С» равнялась трем быстрым точкам, буква «У» – двум точкам и тире.

Они по очереди выходили за дверь, посылали и принимали зашифрованные послания, недоступные для понимания их родителей. «Киношка», – предлагал один. «Нет, трамвайное депо, сигареты», – отзывался другой.

Ребята сочиняли сценарии, представляли себя какими-нибудь шпионами или диверсантами на грани провала, тайком выходящими на связь откуда-нибудь с горного перевала в Китае, или из дремучих дебрей русской тайги, или с тростниковых плантаций на Кубе.

Готовность?

Есть.

Координаты?

Не установлены.

Выжившие?

Двое.

Потери?...

С помощью этого зуммера они сообщали друг другу все: что хочется есть, что можно пойти поиграть в футбол, что мимо их дома только что прошла симпатичная девчонка. Это был их тайный способ переговариваться – как у двух игроков, поочередными пасами ведущих мяч к воротам. Приход репетитора у них обозначался знаком SOS – три точки, три тире и опять три точки.

Братья были приняты в два самых лучших колледжа города. Удаяну предстояло изучать физику в Президенси, а Субхашу – инженерную химию в Джадавпуре. Они были единственными из квартала и из своей ничем не примечательной средней школы, кто так преуспел в учебе.

Чтобы отпраздновать поступление сыновей в колледжи, отец пошел на базар и купил орехов кешью, розового сиропа и полкило отборных креветок для приготовления пуляо. Сам

отец начал работать с девятнадцати лет, чтобы поддержать семью родителей. Неполученная степень в колледже была единственным предметом его сожаления. Он трудился на невысокой канцелярской должности в железнодорожной компании «Индиан Рэйлуэйз». Теперь, когда по округе разнеслась молва об успехах его сыновей, он говорил, что ему проходу нет на улице от поздравлений.

В этом нет никакой его заслуги, отвечал он всем этим людям. Просто его сыновья усердно трудились, и их старания были вознаграждены. Все, чего добились, они добились самостоятельно.

На вопрос родителей, что они хотят в подарок, Субхаш ответил: мраморные шахматы взамен стареньких деревянных, которыми они всегда играли. А вот Удаян предпочел обзавестись коротковолновым радиоприемником. Ему хотелось знать больше новостей о событиях в мире, нежели он мог услышать из допотопного родительского репродуктора или выудить из тонюсенькой местной газеты, которую почтальон забрасывал к ним через забор по утрам.

Радиоприемник ребята собрали сами, купив разрозненных деталей в магазинах и на барахолках армейской амуниции. Для этого использовали инструкцию, к которой прилагалась потрепанная схема. Все это добро они разложили сначала на кровати – шасси, конденсаторы, резисторы, динамик. Потом довольно долго корпели над сборкой, подсоединяли провода. Готовый приемник получился как небольшой металлический чемоданчик с ручкой.

Прием шел лучше зимой, чем летом. И сеансы успешнее проходили ночью, когда солнечные фотоны не нарушали ионосферу и когда положительные и отрицательные частицы воздуха рекомбинировались быстро.

Братья по очереди сидели перед окном с приемником в руках, перебирали различные позиции, прилаживали антенну, крутили ручки настройки, медленно и тщательно выбирали частоты.

Они искали какие-нибудь иностранные радиостанции. Выпуски новостей московского радио, «Голоса Америки», радио Пекина, Би-би-си. Сквозь ревущий океан помех братья урывками ловили информацию из самых разных уголков планеты – сводки прогноза погоды по Центральной Европе, народные песни из Греции, речь Гамала Абдель Насера, огромное множество сообщений на различных языках, которые они могли только угадывать: финский, турецкий, корейский, португальский...

Был 1964 год. Резолюция по Тонкинскому заливу санкционировала применение американских вооруженных сил против Северного Вьетнама. В Бразилии произошел военный переворот.

В Калькутте на киноэкраны вышла «Чарулата». Более ста человек погибло в религиозных столкновениях между мусульманами и индусами после того, как из мечети в Шринагаре была похищена реликвия. В коммунистическом движении Индии начался раскол из-за разногласий по вопросам пограничной войны с Китаем, начавшейся двумя годами ранее. Выделившаяся из общего состава группа, симпатизировавшая Китаю, назвала себя Коммунистической марксистской партией Индии – КМПИ.

Партия «Индийский национальный конгресс» по-прежнему имела влияние на централизованное правительство в Дели. После смерти Джавахарлала Неру, скончавшегося от сердечного приступа, его дочь Индира заняла пост в кабинете министров. Через два года ей предстояло стать премьер-министром.

Субхаш и Удаян теперь по утрам брились, по очереди держали друг другу во дворе ручное зеркальце и кастрюлю с теплой водой. Позавтракав рисом, далом и хрустящей картофельной соломкой, они выходили из дому и шли в сторону угловой мечети, родной квартал оставался у них за спиной. Еще какую-то часть пути они шагали вместе вдоль главной

дороги, а после трамвайного депо садились на разные автобусы и ехали каждый в свой колледж.

Большую часть дня, разделенные расстоянием, они проводили с разными друзьями, общались с парнями, которые раньше посещали английские школы. Курсы обучения у них были во многом схожи, но преподаватели, лабораторные занятия и расписание экзаменов разные.

Колледж Удайна находился гораздо дальше от дома, поэтому дорога занимала у него больше времени. Удайн стал дружить и гулять со студентами из северной Калькутты, поэтому шахматная доска братьев с неоконченной партией сиротливо стояла на письменном столе. Субхаш теперь частенько играл сам с собой. И все же каждый свой день он начинал и заканчивал рядом с Удайном.

Однажды летним вечером 1966 года они слушали на коротких волнах трансляцию футбольного матча чемпионата мира на стадионе «Уэмбли». Англия играла против Германии. Это был легендарный финал с немыслимым призрачным голом, которому суждено было стать притчей во языцех на многие годы. На листке бумаги братья делали записи и чертили диаграммы, водили пальцем по кровати, воссоздавая движение, происходившее на поле.

Счет открыли немцы, на восемнадцатой минуте Джеф Хёрст сравнял его. Ближе к концу первого тайма, когда англичане вели со счетом 2:1, Удайн вдруг выключил приемник.

– Что ты делаешь?

– Хочу улучшить прием.

– Да и так нормально слышно. Мы же пропустим конец матча!

– До конца еще далеко.

Удайн полез под кровать, где они хранили всякое свое добро – тетрадки с записями, компасы, линейки, бритвенные лезвия для отточки карандашей, спортивные журналы. Там же хранилась и инструкция по сборке приемника. А еще всякие запасные винтики, гаечки, отвертка и плоскогубцы.

Отверткой Удайн начал разбирать приемник.

– Надо провода развести подальше или от катушки, или от переключателя, – объяснил он.

– Обязательно сейчас?

Удайн не ответил, продолжал ковыряться в приемнике. Он уже открыл корпус и теперь проворными пальцами откручивал винтики.

– Мы же несколько дней собирали его, – не унимался Субхаш.

– Ничего. Я знаю, что делаю.

Удайн обесточил шасси и пересоединил некоторые провода, потом снова собрал приемник.

Футбольный матч еще продолжался, треска в приемнике стало существенно меньше. Пока Удайн возился с приемником, немцы сравнивали счет.

Потом Хёрст забил еще один мяч в ворота немцев. Мяч попал в штангу и отлетел за линию. Когда судья засчитал этот бросок как гол, немецкая команда запротестовала. Возмущение на поле улеглось после того, как судья проконсультировался с советским судьей на линии. В результате гол засчитали.

– Англичане выиграли, – сказал Удайн.

До конца игры оставалось еще несколько минут, немцы отчаянно пытались догнать в счете. Но Удайн оказался прав – до конца матча Хёрст даже умудрился забить четвертый мяч в ворота немцев. И тогда английские болельщики, не дожидаясь финального свистка, ликующей толпой повалили на поле.

Глава 4

В 1967 году из газет и из новостей Всеиндийского радио братья все чаще стали слышать о Наксалбари – местности, о которой прежде ничего не знали.

Это была цепочка мелких деревушек в округе Дарджилинг, узким коридором растянувшаяся вдоль северных рубежей Западной Бенгалии. Приютившаяся в предгорьях Гималаев на расстоянии четырехсот миль от Калькутты, эта отдаленная местность находилась гораздо ближе к Тибету, нежели к Толлигангу.

Жили там семьи крестьян, работавших на чайных плантациях и в крупных поместьях. Из поколения в поколение их жизнь имела феодальный уклад, который никогда, в сущности, не изменялся.

Этими отсталыми крестьянами манипулировали богатые землевладельцы. Они сгоняли крестьян с полей, которые те возделывали, не позволяя им забрать выращенный урожай. Крестьяне попадали в зависимость к ростовщикам. Лишенные средств к существованию, многие из них попросту погибали от голода.

В марте того года, когда один крестьянин-издольщик из Наксалбари попытался вспахать незаконно отобранную у него землю, землевладелец натравил на него своих головорезов, и те избили бедолагу до полусмерти, отняли плуг и буйвола. Полиция предпочла не вмешиваться.

Группа крестьян-издольщиков возмутилась этим делом и подняла протест. Они начали жечь владения и стихийно захватывать земли тех, кто их обманывал и притеснял.

Это был уже не первый случай крестьянских волнений в округе Дарджилинг, но на этот раз их тактика носила военный характер. С примитивным оружием в руках люди несли красные флаги и кричали: «Да здравствует Мао Цзэдун!»

Вдохновителями и организаторами происходящих событий стали два бенгальских коммуниста – Чару Маджумдар и Кану Санъял. Они выросли в маленьких городках близ Наксалбари и познакомились в тюрьме. Они были намного моложе большинства коммунистических лидеров Индии – людей, родившихся в конце 1880-х. Этих партийных «стариков» Маджумдар и Санъял презирали. В КМПИ они считались диссидентами.

Молодые бунтари требовали земельных прав для крестьян-издольщиков, а также призывали крестьян работать не на помещика, а на себя.

Чару Маджумдар происходил из семьи землевладельцев и был сыном адвоката, в свое время его исключили из колледжа. Газеты пестрили портретами сухощавого человека с худым осунувшимся лицом, орлиным носом и густыми усами. Этот теоретик марксизма-ленинизма страдал астмой, и кое-кто из коммунистов старшего поколения называл его безумцем. На момент народных волнений в Дарджилинге он, даже еще не достигнув пятидесятилетнего возраста, уже был прикован к постели сердечной болезнью.

Кану Санъял стал учеником Маджумдара, когда обоим исполнилось по тридцать лет. Санъял происходил из касты браминов и знал диалекты горных племен. Он отказался от владения всякой собственности и примкнул к деревенской бедноте.

Народный бунт разрастался, охватывал все новые и новые территории, и тогда власти направили туда усиленные отряды полиции. Там установили комендантский час, произвели показательные аресты.

Правительство в Калькутте обратилось с воззванием к Санъялу в надежде, что он уговорит восставших крестьян сдаться. Сначала он поверил правительству и встретился с налоговым министром, пообещал выйти на переговоры, но от переговоров в последний момент воздержался.

В мае пришло сообщение, что группа крестьян, среди которых были и женщины, вооруженная луками и стрелами, напала на инспектора полиции и убила его. На следующий день отряд местной полиции подкараулил толпу бунтовщиков на дороге. Одного из сержантов ранили стрелой в руку, и полиция приказала толпе разойтись. Но крестьяне не разошлись, и тогда полицейские открыли огонь. Одиннадцать человек погибли, среди них восемь женщин.

По ночам, наслушавшись радио, Субхаш и Удаян подолгу разговаривали, обсуждали происходящее. Тайком от родителей, когда те уходили спать, братья курили, поставив на письменный стол пепельницу.

– И ты считаешь, это стоило делать? – спрашивал Субхаш. – Ну, то, что сделали крестьяне.

– Конечно стоило. Они же восстали против несправедливости, рискнули всем. Этих нищих людей некому было защитить.

– Ну а чего они добились? Разве можно идти с луком и стрелами против сил современного государства?

Удаян сложил в щепотку пальцы, словно хотел собрать со стола зернышки риса.

– А ты что сделал бы на их месте?

Как и многие в то время, Удаян винил во всем Объединенный фронт, коалицию левого крыла во главе с Аджом Мухерджи, управлявшую тогда Западной Бенгалией. Ранее они с Субхашем сами радовались их победе. Объединенный фронт ввел в кабинет министров представителей от коммунистов, обещал установить государственную власть рабочих и крестьян и отменить систему крупного землевладения. Его усилиями почти двадцатилетнее влияние партии «Индийский национальный конгресс» в Западной Бенгалии было сведено на нет.

Но Объединенный фронт не поддержал народных повстанческих настроений. Даже, напротив, перед разрастающейся катастрофой министр внутренних дел Джиоти Басу бросил на восставших крестьян полицию. Так что теперь руки Аджоя Мухерджи были в крови.

Пекинская «Пиплз дейли» обвинила правительство Западной Бенгалии в кровавых репрессиях против революционного крестьянства. «Весенняя гроза над Индией» – гласил один из заголовков. Все калькуттские газеты освещали эти события. На улицах, в студенческих городках начались демонстрации в защиту крестьян, в знак протеста против убийств. В Президенси-колледже и в Джадавпуре Субхаш и Удаян видели на окнах некоторых зданий флаги, вывешенные в поддержку Наксалбари. Они слышали призывы к отставке правительства.

А в Наксалбари конфликт только усиливался. Поступали сведения о случаях бандитских нападений и грабежей. Крестьяне устанавливали там собственное правление. Землевладельцев похищали и убивали.

В июле централизованное правительство издало указ о запрещении ношения луков и стрел в Наксалбари. На той же неделе кабинет министров Западной Бенгалии направил в мятежный регион пятьсот вооруженных солдат и офицеров. Они обыскивали глиняные хижины бедняков, хватали безоружных повстанцев и убивали их, если те отказывались сдаться. Безжалостно, с систематической неуклонностью они пресекали повстанческое движение.

Удаян вскочил со стула, в сердцах смахнув со стола кипу книг и газет. Он выключил радио и принялся выхаживать по комнате из угла в угол, глядя в пол и нервно ероша пальцами волосы.

– С тобой все в порядке? – озабоченно спросил Субхаш.

Удаян стоял посреди комнаты, качая головой. В первый момент он просто не знал, что сказать. Сообщение потрясло их обоих, но Удаян отреагировал на него как на личное оскорбление, так, словно ударили его.

– Люди голодают и гибнут от голода, а против них устроили такое, – наконец проговорил он. – Они жертв объявляют преступниками, направляют дула на людей, которые не могут стрелять в ответ. – Он откинул крючок на двери их комнаты.

– Ты куда?

– Не знаю. Мне нужно пройтись. Подумать, осмыслить... Я не понимаю, как могло дойти до такого.

– Но в любом случае все, похоже, уже кончено.

Удаян немного помедлил на пороге и сказал:

– Не знаю, это может быть только началом.

– Началом чего?

– Чего-то большего. Чего-то другого.

Удаян процитировал то, что предсказывала китайская пресса: «От искры, вспыхнувшей в Дарджилинге, займется пламя, которое, несомненно, охватит огромные просторы Индии».

К осени Санъял и Маджумдар уже оба оказались на нелегальном положении. Той же осенью в Боливии казнили Че Гевару, которому, в доказательство смерти, уже мертвому отрубили руки.

В Индии журналисты начали издавать собственные газеты: «Либерейшн» – на английском языке, «Дешабрати» – на бенгальском. Они печатали там статьи из китайских коммунистических изданий. Удаян стал приносить их домой.

– В этой риторике нет ничего нового, – как-то сказал отец, пролистав экземпляр такой газеты. – Наше поколение тоже читало Маркса.

– Ваше поколение ничего не решало, – возразил ему Удаян.

– Мы построили государство. Независимое государство. Наша страна принадлежит нам.

– Этого недостаточно. Куда оно завело нас, это ваше государство? Смотри, чем все кончилось.

– Для таких больших изменений требуется время.

Отец отмахнулся от вопроса о Наксалбари, сказал, что молодые люди кипятятся на ровном месте, что решение всей проблемы – это вопрос пятидесяти двух дней.

– Нет, папа. Объединенный фронт считает себя победителем, но на самом деле он проиграл. Ты же видишь, что происходит.

– А что происходит?

– Люди откликнулись на события. Наксалбари их вдохновил. Он стал импульсом к переменам.

– Мне уже довелось видеть времена перемен в этой стране, – сказал отец. – И я, в отличие от вас, знаю, чего стоит поменять одну систему на другую.

Но Удаян упорствовал. Он начал вызывать отца на спор – как когда-то вызывал на спор школьных учителей. Он закидал отца вопросами. Если он так гордится независимостью Индии, почему тогда в свое время не протестовал против владычества британцев? Почему так и не вступил в профсоюз? Почему никогда не занимал какой-либо четкой политической позиции, хотя на выборах голосовал за коммуниста?

Но сыновья и так знали почему. Потому что их отец состоял на государственной службе, и ему запрещено было вступать в какие-либо партии или профсоюзы. В период Независимости ему запрещалось даже где-либо высказывать свое мнение – таковы были

условия поступления его на работу. Некоторые нарушали эти правила, но отец Субхаша и Удайна не хотел рисковать.

– Он делал это ради нас, ведь всегда нес за семью ответственность, – сказал Субхаш. Но Удайн был на этот счет другого мнения.

Теперь кроме учебников по физике Удайн изучал еще и другие книги. Из них торчало множество узеньких бумажных закладок. «Обреченные на нищету. Что делать?». Книга в красной обложке, толщиной не больше чем колода карт, содержала в себе изречения Мао.

Когда Субхаш спросил, где Удайн берет деньги на покупку такой литературы, Удайн ответил, что не покупает эти книги, а берет их почитать у знакомых ребят в колледже.

Под кроватью Удайна еще хранились брошюры Чару Маджумдара. Большинство из них было написано еще до восстания в Наксалбари, когда Маджумдар сидел в тюрьме. «Наши задачи в настоящей ситуации», «Воспользоваться обстоятельствами», «Какие возможности сулит нам 1965 год?».

Однажды дома Субхаш решил сделать перерыв в занятиях, зачем-то залез под кровать Удайна. Эссе были написаны кратким, напыщенным слогом. Маджумдар утверждал, что Индия превратилась в страну нищих и иностранцев. «Реакционное правительство Индии проводит тактику массового убийства. Они убивают людей не только пулями, но и голодом».

Он обвинял Индию в том, что для решения своих проблем та обращается к Соединенным Штатам. Он обвинял Соединенные Штаты в том, что они превратили Индию в свою пешку. Он обвинял Советский Союз в поддержке индийского правящего класса.

Он призывал к созданию подпольной партии. Он призывал искать кадры для этой партии в деревнях. Он сравнивал такой метод активного сопротивления с борьбой за гражданские права в Соединенных Штатах.

Во всех эссе он призывал обратиться к опыту Китая.

«Если мы признаем наконец, что индийская революция неизбежно примет форму гражданской войны, то тактика повсеместного захвата власти должна стать нашей единственной тактикой».

– И ты считаешь, это может дать результат? То, что предлагает Маджумдар, – спросил Субхаш как-то Удайна.

Они в тот момент уже закончили подготовку к последним экзаменам и шли поиграть в футбол с бывшими одноклассниками.

На углу Удайн купил газету и, развернув ее на статье о Наксалбари, стал читать прямо на ходу.

Они шли по родному кварталу. Мимо людей, которые знали их еще мальчишками. Мимо двух прудов, как всегда, безмятежных и зеленых. Мимо низины, которую пришлось обогнуть, так как она была еще затоплена.

Ребята остановились немного передохнуть. Удайн указал головой на бедные хижины по краям низины, покрытой водяными гиацинтами, и сказал:

– Уже есть результат. Мао изменил Китай.

– Но Индия – это не Китай.

– Нет. Но могла бы стать такой же, – ответил Удайн.

Теперь, когда им случалось ходить мимо «Толли-клуба», Удайн воспринимал его как откровенный вызов тому огромному множеству людей, которые до сих пор жили в трущобах. Людей, чьи дети рождались и росли на улице. Так почему же целая сотня акров земли, обнесенная прочными стенами, должна служить для удовольствия немногих?

Субхашу вспомнились завезенные заморские деревья, цветы, птичье пение. Мячики для гольфа, которыми были набиты их карманы, и безукоризненная зелень холеных лужаек.

Ему вспомнилось, как Удаян первым лез на стену и звал брата последовать его примеру. Как Удаян в тот их последний поход на запретную территорию встал рядом на колени и обнял его, пытаясь защитить.

Он напомнил все это Удаяну. В ответ тот сказал: гольф – это прошлое. Прошлые продажной реакционной буржуазии. «Толли-клуб» – еще одно доказательство, что Индия до сих пор остается полуколониальной страной и ведет себя так, словно британцы отсюда и не уходили.

А еще он сказал, что Че, работавший кэдди в одном из гольф-клубов Аргентины, тоже в свое время пришел к такому заключению. И что после кубинской революции Фидель Кастро первым делом избавился от полей для гольфа.

Глава 5

В начале 1968 года оппозиционные настроения росли, правительство Объединенного фронта проявило полную несостоятельность, поэтому в Западной Бенгалии было введено прямое президентское правление.

Система образования тоже претерпевала кризис. Устарелые принципы педагогики полностью расходились с реалиями индийской жизни. Преподаватели учили молодежь игнорировать нужды простых людей. И эту мысль стали распространять повсюду радикально настроенные студенты.

Вторая Парижу, вторая Беркли, студенты в колледжах Калькутты бойкотировали экзамены, рвали дипломы. На собраниях и заседаниях перебивали ораторов, обвиняли администрации колледжей в коррупции. Баррикадировали деканов в их кабинетах, отказывались принести им еду и воду до тех пор, пока те не выполнят предъявленные требования.

Несмотря на беспокойную атмосферу, оба брата продолжили учебу. Удаян – в Калькуттском университете, Субхаш – все там же, в Джадавпуре. Они намеревались получить образование, устроиться на хорошую работу, чтобы со временем иметь возможность поддерживать родителей.

Расписание Удаяна стало совсем беспорядочным. Однажды вечером, когда он не вернулся к ужину, мать отставила для него еду в сторонку, накрыв тарелкой. Когда утром она спросила, почему он так ничего и не съел, он сказал, что поужинал вчера дома у друга.

Когда Удаяна не бывало за ужином, в семье больше не обсуждали наксалбарийское повстанческое движение и то, как оно распространялось по Западной Бенгалии и по всей Индии. Не обсуждали больше партизанское движение в Бихаре и в Андра-Прадеше. Субхаш понял: Удаян теперь проводит свободное время с другими – с теми, с кем мог свободно обсуждать острые проблемы.

Без Удаяна домашний ужин проходил в тишине, безо всяких споров, как и предпочитал их отец. Субхашу, конечно, не хватало общества брата, но иногда было очень даже приятно посидеть в тишине и одиночестве за письменным столом.

Когда Удаян находился дома, то неизменно включал приемник и слушал короткие волны. Официальные новости его не удовлетворяли, и он нашел тайные каналы вещания из Дарджилинга и Силигури. Он слушал радио Пекина. Однажды, перед рассветом, он передал искаженный эфирными помехами голос Мао, обращенный к народу Китая, на частоте Толлиганга.

По приглашению Удаяна из чистого любопытства Субхаш однажды пошел с ним на встречу студентов-единомышленников. В маленькую прокуренную комнату битком набились студенты. На зеленой стене висел обернутый в полиэтилен портрет Ленина, но настроения в комнате были антимосковские-пропекинские.

Субхаш ожидал шумных дебатов, но студенческое собрание проходило как обыкновенный учебный семинар. Студент-медик по имени Синха выступал в роли преподавателя. Остальные записывали все в тетрадки. По очереди им предлагалось встать и высказаться, продемонстрировать свои знания по истории Китая и постулатов Мао.

Они обменивались свежими номерами газет «Дешабрати» и «Либерейшн», где освещались последние события повстанческого движения в Шрикакуламе. Там около сотни горных деревень тоже захлестнула марксистская волна.

Взбунтовавшиеся крестьяне строили укрепления, к которым не могла подступиться полиция. Землевладельцы спасались бегством. Приходили сообщения о целых семьях,

сожженных заживо во сне, о насаженных на колья головах, о призывах к мщению, написанных кровью.

Синха говорил неторопливо, вдумчиво, сцепив пальцы в замок на столе.

– Прошел год с начала событий в Наксалбари, а Коммунистическая марксистская партия продолжает предавать нас. Они опорочили красное знамя. Опорочили светлое имя Маркса.

Марксистская компартия, политика Советского Союза, реакционное правительство Индии – все они на одной стороне. Все они – лакеи Соединенных Штатов. Они представляют для нас четыре горных хребта, которые мы должны как-то преодолеть.

У марксистской компартии одна цель – сохранить влияние. А наша цель: создание справедливого общества. Создание новой партии стало насущно необходимой задачей. Если истории суждено сделать шаг вперед, то сначала нужно покончить с пустой болтовней и политикой заигрывания.

Собравшиеся слушали затаив дыхание. Субхаш видел, с какой увлеченностью Удаян внимал словам Синхи.

Субхаш сидел рядом с Удаяном, но чувствовал себя на этом собрании каким-то невидимкой. Он не был уверен, что привнесенная идеология сможет разрешить проблемы Индии. Хотя искра вспыхнула уже год назад, он не считал, что за этой искрой обязательно должна последовать революция.

Он не знал, чего ему не хватало, чтобы поверить в это, – смелости или воображения. Из-за недостающих качеств он не мог разделить политические убеждения и веру брата.

Субхаш помнил, как они с Удаяном обменивались смешными глупыми посланиями, когда отправляли друг другу при помощи зуммера. Но он сейчас не знал, как ответить на сигналы, посылаемые Синхой. Эти же сигналы Удаян принимал с готовностью.

Под кроватью у стены в их комнате теперь появились банка с красной краской и кисточка. Раньше их там не было. А под матрасом Субхаш нашел список призывов, переписанных рукой Удаяна. «Председатель Китая – наш председатель!», «Долой выборы!», «Наш путь – это путь Наксалбари!».

Стены города были исписаны подобными лозунгами. И стены корпусов студенческого городка, и высоченные стены киностудии, и низенькие стены вдоль улиц их квартала.

Однажды ночью Субхаш услышал, как Удаян вернулся домой и сразу же направился в ванную. До него донесся звук льющейся воды из душа. Субхаш сидел за письменным столом и видел, как Удаян, войдя, первым делом затолкал банку с краской под кровать.

Субхаш закрыл тетрадь и надел на ручку колпачок.

– Что ты сейчас делаешь?

– Отмывался.

Удаян прошел через всю комнату и сел в кресло у окна. На нем белела пижама. Кожа его и волосы на груди были еще влажными. Он взял в рот сигарету, открыл спичечный коробок, чиркнул несколько раз, прежде чем спичка загорелась.

– Ты писал лозунги? – спросил Субхаш.

– Правящий класс повсюду распространяет свою пропаганду. Почему им можно оказывать влияние на людей, а другим нельзя?

– А если тебя схватит полиция?

– Не схватит.

Удаян включил радиоприемник.

– Если мы не воспрепятствуем проблеме, мы ее только увеличим. Вот так-то, Субхаш. – И, помолчав, он прибавил: – Если хочешь, пошли завтра со мной.

Субхаш снова стоял на стреме, снова ловил каждый звук.

По деревянному мосту они перешли через Русло Толли. В детстве родители не разрешали им ходить сюда, считали, что это уже слишком далеко от дома.

Субхаш светил фонариком на стену. Уже наступила почти полночь, и они сказали родителям, что идут на поздний сеанс в кино.

Затаив дыхание, Субхаш прислушивался к каждому звуку. Лягушки в пруду квакали монотонно и настойчиво.

Окунув кисть в банку с краской, Удаян написал на стене по-английски: «Да здравствует Наксалбари!»

Он выводил буквы быстро, но руки его почему-то дрожали. Субхаш замечал эту дрожь в руках брата уже последние несколько недель – когда тот крутил настройку приемника или переворачивал газетные страницы.

Субхашу вспомнилось, как они лезли через стену «Толли-клуб». Но сейчас Субхаш почему-то не боялся, что их поймают. Может, и глупо было так думать, но что-то ему подсказывало: такая вещь случается только один раз. И он оказался прав: никто не заметил их, никто не наказал их за этот поступок. Спустя несколько минут они уже шли обратно по мосту и курили сигареты, чтобы успокоиться.

Сейчас больше нервничал Удаян, он был очень горд выполненным делом.

А Субхаш злился на самого себя – за обязанность доказывать себе, что он способен на такие вещи.

Он ненавидел свой вечный страх, свою вечную боязнь всего – что он перестанет существовать или что они с Удаяном перестанут быть братьями, если Субхаш пойдет Удаяну наперекор.

Закончив учебу в колледже, братья, как и многие их сверстники, оказались невостребованными. Они начали подрабатывать репетиторством, чтобы приносить хоть какие-то деньги в дом. Удаян нашел себе место учителя в школе недалеко от Толлиганга. Эта незатейливая работа ему, похоже, нравилась, карьера его не интересовала.

А Субхаш решил подать заявку на дальнейшее обучение в Соединенных Штатах. Иммиграционные законы к тому времени изменились, и прием студентов из Индии в Америке существенно упростился. В колледже он изучал химию и окружающую среду, а также влияние нефтяных и азотистых загрязнений на океаны, реки и озера.

Перед тем как сообщить о своих намерениях родителям, он решил посоветоваться с Удаяном, надеялся на понимание брата. Он даже предложил Удаяну тоже поехать за границу, где гораздо легче было найти работу, где сама жизнь для них обоих могла бы сложиться лучше.

Он перечислил несколько прославленных университетов, взрастивших множество одаренных ученых. Среди них он упомянул Массачусетский технологический институт в Принстоне, где работал Эйнштейн.

Но этот список не впечатлил Удаяна.

– Как ты можешь уехать сейчас, отвернуться от происходящего здесь? И надо же! Из всех мест ты выбрал Америку!

– Но там короткая программа обучения – всего несколько лет.

Удаян покачал головой:

– Если ты уедешь, то уже не вернешься.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что я знаю тебя. Ты всегда думаешь только о себе.

Субхаш растерянно смотрел на брата – полулежа на кровати, с сигаретой во рту, тот листал газеты.

– А то, что ты делаешь, не эгоистично?

Не отрываясь от газеты, Удаян перевернул страницу и ответил:

– Не думаю, что хотеть изменить мир к лучшему – это эгоистичное желание. Нет.

– Но это же не детские игры. А если в дом нагрянет полиция? Если тебя арестуют?

Что подумают мама и папа?

– Жизнь – это нечто большее, чем то, что думают мама с папой.

– Да что с тобой, Удаян? Как ты можешь так говорить? Ведь родители тебя вырастили. Они и сейчас еще кормят и одевают тебя. Ты обязан им всем. Без них ты был бы никто.

Удаян вскочил с кровати и вышел из комнаты, но очень скоро вернулся. Он угрюмо смотрел в пол – ему удалось погасить быстро возгорающийся гнев.

– Ты – моя вторая половина, Субхаш. Это без тебя я – никто. Не уезжай!

Впервые в жизни он произнес вслух такую вещь. Произнес с любовью и нежностью.

Но Субхаш воспринял это как приказ – как один из многих приказов Удаяна, перед которыми он всю жизнь пасовал. Как очередной призыв снова следовать за Удаяном.

Но уехал вскоре сам Удаян. Уехал из города, но куда и зачем, не объяснил. Школа, в которой работал, была тогда закрыта. Утром в день своего отъезда он сообщил Субхашу и родителям, что эта поездка была запланирована.

Он уезжал как будто на один день, всего лишь с одной матерчатой сумкой через плечо и с деньгами только на обратный билет.

– Ты с друзьями едешь? Это у вас что-то вроде туристической поездки? – поинтересовался отец.

– Да. Хочется развеяться.

– А почему так внезапно?

– Ну а почему бы и нет? Что в этом такого?

Он поклонился в ноги родителям, попросил их не беспокоиться и обещал вернуться.

За время отсутствия от Удаяна не приходило никаких вестей – ни письма, ни звонка, никакой другой возможности узнать, жив он или нет. Субхаш и родители не затрагивали эту тему, но никто из них не верил, что Удаян где-то разглядывает достопримечательности. Они не поверили с самого начала, но и никто из них не попытался остановить его.

Он вернулся только через месяц, сильно похудевший, с бородой и усами. Пальцы у него дрожали теперь еще сильнее – чашка иной раз стучала о блюдце у него в руках. Эта дрожь была заметна, когда он застегивал пуговицы на рубашке или держал шариковую ручку. По утрам на его постели виднелись вмятины от тела, а простыни были мокры от пота. Однажды утром он проснулся с бешеным сердцебиением и испариной на лбу, ему позвали врача и сделали анализ крови.

Родные думали, что он подцепил за городом какую-то болезнь – малярию или менингит, но врач обнаружил у него просто увеличение щитовидной железы – недуг, вполне поддающийся медикаментозному лечению. Врач объяснил: лекарство может подействовать не сразу и принимать его нужно постоянно. И еще он сказал, что это заболевание может сопровождаться у больного повышенной раздражительностью и резкими переменами в настроении.

Удаян поправился и жил теперь все время дома, никуда не отлучался, но душа его словно осталась где-то там. То, что он узнал, или увидел, или сделал во время той поездки, он хранил про себя и не рассказывал об этом никому.

Он больше не отговаривал Субхаша от поездки в Америку. Слушая по вечерам радио или листая газеты, он не выказывал никаких эмоций. Что-то завладело его мыслями и душой – это уже не имело отношения к Субхашу, к родителям и к их дому.

В 1969 году в день рождения Ленина, 22 апреля, в Калькутте была образована третья коммунистическая партия. Ее члены называли себя «наксалитами» в честь событий в Наксалбари. Чару Маджумдар был провозглашен ее генеральным секретарем, Кану Санъял выбран председателем.

В день Первого мая массовая процессия заполонила улицы. Десять тысяч человек двигались к центру города. Они собрались на площади, возле увенчанной куполом белой колонны Шахида Минара.

Только что освободившийся из тюрьмы Кану Санъял взошел на трибуну и обратился с речью к возбужденной толпе:

– С величайшей гордостью и безграничной радостью я хочу объявить вам, собравшимся на этой площади, что с сегодняшнего дня у нас есть новая, истинно коммунистическая партия! Коммунистическая марксистско-ленинская партия Индии – КМЛПИ.

Санъял не выразил благодарности политикам, добившихся его освобождения из тюрьмы. Его освобождение явилось требованием времени, Наксалбари всколыхнул всю Индию, сказал он.

В стране и за ее пределами назрела революционная ситуация. Волна революционных настроений захлестнула весь мир. Великий кормчий Мао Цзэдун стоит у руля.

И в стране, и за ее пределами реакционные силы стали ослабевать и уступать нашему напору. Внешне они кажутся сильными, но на самом деле это всего лишь колоссы на глиняных ногах да просто бумажные тигры.

Главной задачей новой партии должна стать организация крестьянства. Крестьяне должны подняться на бой, и их тактикой должна быть партизанская война, а их врагом – государство.

– Мы создали новую форму коммунизма, – заявил Санъял. – Штабы нашей борьбы будут находиться в деревнях. К 2000 году, то есть всего через тридцать один год, люди всего мира освободятся от любых форм эксплуатации и станут праздновать победу марксизма-ленинизма и идей Мао.

Чару Маджумдар не присутствовал на митинге, но Санъял поклялся в верности ему, сравнил его в мудрости с Мао и предостерег народ против тех, кто бросал вызов учению Маджумдара.

– Мы создадим новое солнце и новую луну, которые засияют над нашей великой родиной! – закончил он.

Эти его слова прозвенели на многие мили.

Газеты опубликовали потом фотографии прошедшего митинга, снятые с отдаленного расстояния. На них были запечатлены массы людей, пришедших послушать речь Санъяла и увидеть красный салют. Пламенные призывы проникли в их души. На снимках была запечатлена Калькутта тех дней.

Это был портрет города, чьей частью Субхаш больше уже не считал себя. Города, стоявшего на пороге чего-то неизвестного. Города, который он собирался покинуть.

Субхаш знал: Удаян был на том митинге. Субхаш не пошел туда с ним, а Удаян и не приглашал. В этом смысле они уже отдалились друг от друга.

Глава 6

Спустя несколько месяцев Субхаш тоже поехал в деревню. Да, этим словом принято называть подобные места у американцев. Этим старомодным словом, обозначавшим первоначально поселение или просто тихое, спокойное место. Однако же такая деревня всегда содержала в себе признаки цивилизации: церковь, здание суда, ресторанчик, тюрьму.

Университет начинался как сельскохозяйственная школа, и колледж по-прежнему окружали фруктовые сады, оранжереи, кукурузные поля. И луга, где учеными культивировались травы. Эти плантации старательно орошались, удобрялись и скашивались. И эти лужайки были гораздо красивее, чем виденные Субхашем когда-то на территории «Толли-клуб».

Но теперь он был не в Толлиганге. Оторвался, как отрывался когда-то по утрам от снов, чья яркая реалистичность и логика утрачивала всякий смысл при свете наступившего дня.

Разница была такой огромной, что эти два места никак не могли уместиться у него в голове одновременно. В этой новой для него огромной стране, казалось, не было пространства, где можно было бы приютить старую жизнь. Их ничто не связывало, кроме самого Субхаша. Жизнь здесь текла просто и была лишена всяческих препон. Люди здесь не носились толпами, как угорелые.

И все же физическое устройство Род-Айленда – штата столь крохотного в масштабах Америки, что на некоторых картах он обозначался лишь циферкой и стрелочкой, – приблизительно соответствовало положению Калькутты в Индии. На севере горы, на востоке океан, а на юге и на западе – громадные просторы.

Обе местности были расположены почти на уровне моря, и пресная вода в устьях рек здесь перемешивалась с соленой. Как и Толлиганг, в свое время затопленный морем, весь Род-Айленд, как узнал теперь Субхаш, когда-то был покрыт пластами льда. Наползание и сползание этих ледников, их таяние вызвали сдвиг земной коры на нынешней территории Новой Англии и оставили после себя след в виде наносных пород. Здесь образовались болота, залив, дюны и морены. То есть они сформировали структуру современного побережья.

Субхаш подыскал себе комнату в белом деревянном домике возле шоссе, с черными ставнями на окнах. Ставни были декоративными, они не открывались и не закрывались. А у них дома, в Калькутте, ставни защищали дом от жары и сырости, от дождя, ветра и яркого солнца.

Его комната располагалась на втором этаже, а кухню и ванную он делил с аспирантом по имени Ричард Грифалькони. По ночам Субхаш слышал тиканье будильника на тумбочке и стрекот цикад за окном. По утрам его будили птицы – эти маленькие, совсем не похожие на индийских птиц пичужки все равно не давали спать своим чириканьем.

Ричард изучал социологию, писал статьи для университетской газеты. Когда он не работал над своей диссертацией, то неизменно писал что-нибудь на злободневные темы. Например, о недавнем увольнении профессора зоологии, высказавшегося против использования напалма. Или о том, что было бы куда более целесообразным построить плавательный бассейн вместо очередных корпусов общежития.

Ричард происходил из квакерской семьи в Висконсине. Он носил длинные волосы, завязанные хвостиком, и не брил бороды. Он постоянно сидел за кухонным столом с неизменной сигаретой во рту и, деловито сдвинув на нос очки в металлической оправе, строчил статьи.

Он сказал Субхашу, что ему недавно исполнилось тридцать лет и что он собирается, ради грядущего поколения, стать преподавателем. Когда он был студентом, то ездил на юг

и протестовал там против расовой сегрегации в общественном транспорте. Даже сидел две недели в тюрьме в штате Миссисипи.

Как-то Ричард позвал Субхаша в студенческий паб, где они пили пиво и смотрели в теленовостях репортажи из Вьетнама. Ричард выступал против войны, хотя не был коммунистом. Он признался Субхашу, что считает Махатму Ганди своим кумиром. Если бы Удаян был здесь, то наверняка презрительно усмехнулся бы и сказал, что Ганди принял сторону врагов народа. Что во имя идеи освобождения он разоружил и обезоружил Индию.

Однажды в университетском дворе Субхаш увидел Ричарда, выступающего перед группой студентов и преподавателей. С черной повязкой на рукаве тот стоял на крыше фургона, брошенного посреди лужайки.

Вещая перед собравшимися людьми в мегафон, Ричард говорил, что Вьетнам – это ошибка и что американское правительство не имело права вмешиваться.

Некоторые люди поддерживали его выкриками, но большинство просто слушало и хлопало, словно в театре. Собравшиеся лежали на травке под лучами ласкового солнышка и слушали речь Ричарда, протестующего против войны, которая велась за многие тысячи миль отсюда.

Субхаш оказался там единственным иностранцем из Азии. Это собрание ничем не походило на демонстрации, возмущавшие теперь покой в Калькутте. Там дезорганизованные толпы представителей соперничающих коммунистических партий беспорядочно носились по улицам, громко вопили, не знали жалости, их демонстрации почти всегда оборачивались насилием.

Субхаш послушал речь Ричарда всего несколько минут, а потом ушел. Он представил, как сейчас посмеялся бы над ним Удаян – за его вечное желание оградить себя от проблем.

Субхаш тоже не поддерживал войны во Вьетнаме, но, как и его отец, понимал: нужно сохранять благоразумие. Ведь его могли арестовать в Америке за несогласие с политикой правительства. С политикой государства, которое дало ему визу и возможность тут учиться. Государства, где он был гостем.

Здесь он каждый день вспоминал, как они с Удаяном забирались по вечерам на территорию «Толли-клуб». Но сюда, на территорию этой страны, его впустили официально, хотя он все равно чувствовал себя словно бы на пороге. Он понимал: эта дверь может захлопнуться перед ним так же быстро, как и открылась, его в любой момент могут выслать туда, откуда он явился. А его место займет кто-нибудь другой.

* * *

В университете, кроме него, училось еще несколько индийцев – большинство из них со степенью бакалавра. Но, как выяснил Субхаш, из Калькутты был только он один. Здесь он познакомился с одним преподавателем экономики по имени Нарасимхан. Тот был из Мадраса, был женат на американке и имел двух смуглых светлоглазых сыновей, совершенно не похожих ни на одного из родителей.

Нарасимхан обладал пышными бакенбардами и носил джинсы клеш. Его супруга, миловидная женщина с изящной шеей, с короткой рыжей стрижкой и с длинными сережками-висюльками в ушах, была симпатичной. Впервые Субхаш увидел все его семейство в университетском дворе. В тот субботний день только они присутствовали на этом квадрате зеленой травы с деревьями по краям в окружении учебных корпусов.

Мальчики играли на лужайке в мяч с отцом. Как, помнится, играли в свое время Субхаш с Удаяном на поле за низиной, хотя их отец никогда не составлял им компанию. Жена Нарасимхана лежала на расстеленном пледе на травке, курила и что-то зарисовывала в тетрадке.

Нарасимхан женился именно на этой женщине, а не на любой из девушек Мадраса, как хотели бы его родители. Субхашу было, конечно, интересно, как семья Нарасимхана отреагировала на этот выбор. Ему было интересно, бывала ли эта женщина когда-нибудь в Индии. И если бывала, то понравилось ли ей там или нет. Со стороны, конечно, трудно было получить ответы на подобные невысказанные вопросы.

Мяч покотился прямо на Субхаша, и он ударом ноги отправил его к игрокам, собираясь продолжить путь.

– Вы, должно быть, новенький студент с отделения морской химии? – спросил Нарасимхан, подходя к нему и пожав руку. – Субхаш Митра?

– Да.

– Из Калькутты?

Субхаш кивнул.

– А мне надлежит немного опекать вас. Сам-то я, кстати, родился в Калькутте и даже немножко понимаю, когда говорят по-бенгальски.

Субхаш спросил его, где он живет в Род-Айленде и далеко ли его дом от студенческого городка.

Нарасимхан покачал головой. Их дом оказался в Провиденсе, а его жена Кейт, оказывается, училась в Род-Айленде в школе дизайна.

– А вы? Где в Калькутте живет ваша семья?

– В Толлиганге.

– А-а... это где гольф-клуб.

– Да.

– А здесь где живете? В международной общаге?

– Нет, я нашел себе жилье с кухней. Просто хотел сам себе готовить.

– Ну а вы уже как-то обжились, друзьями обзавелись?

– Да, немного обзавелся.

– И к холоду привыкли?

– Более или менее.

– Кейт, запиши ему номер нашего телефона, ладно?

Она вырвала страничку из своей тетрадки, записала на ней номер и вручила Субхашу.

– Если вам что-то понадобится, просто позвоните, – сказал Нарасимхан, похлопал его по плечу и вернулся к своим сыновьям.

– Спасибо.

– Как-нибудь на днях я позову вас на плов! – издали крикнул Нарасимхан.

Но дальнейшего приглашения так и не последовало.

Студенческий городок океанографического отделения располагался на берегу Наррагансет-Бэй. Каждый день Субхаш садился на автобус и ехал по дороге со столбиками с почтовыми ящиками, за густым лесом по обочинам почти не просматривались дома, только деревянная башня местного маяка видна была отовсюду.

Автобус пересекал извилистую дельту, перевозил пассажиров в «захолустье», где людям дышалось совсем по-другому, где даже свет падал по-другому.

Корпуса лаборатории походили на самолетные ангары, на какие-то авианосцы из проржавевшего металла. Субхаш изучал газы, растворявшиеся в морской воде, изотопы, найденные в остаточных породах, йод в водорослях, углерод в планктоне, медь в организмах крабов.

Рядом со студенческим городком тянулся обрывистый морской берег с узеньким пляжем серо-желтого камня, куда Субхаш любил приходить и съедать свой обед. Там можно было любоваться заливом и двумя мостами. Джеймстаун-Бридж располагался поближе,

Ньюпорт-Бридж – подальше. В облачные дни туманную мглу прорезывал одинокий гудок, словно ветры дули в морскую раковину, суеверно отгоняя зло. Совсем как Калькутте.

Вокруг было разбросано много островов, куда добирались только на лодках. В домах на островах не было ни электричества, ни водопровода. В таких условиях, кстати, некоторые весьма состоятельные американцы любили проводить лето. Был даже такой островок, где умещался только маяк. И все эти крохотные участки суши имели названия – Остров Терпения и Благоразумия, Остров Лисы и Козы, Остров Кролика и Розы, Остров Надежды и Отчаяния.

На холме высилась деревянная церковь с крышей из белой дранки в виде сот. Краска на стенах ее давно выцвела, а сами доски впитали в себя соль морских ветров Род-Айленда.

Однажды, проезжая днем мимо церкви, он с удивлением увидел множество припаркованных возле нее машин. Он вообще впервые видел двери этой церкви открытыми. Во дворе толпились люди – дети и взрослые.

Он успел заметить на ступеньках церкви только что обвенчавшуюся пару средних лет. Седоватый мужчина с гвоздикой в петлице и женщина в голубом костюме. Они улыбались гостям, а те осыпали их пригоршнями рисовых зерен. По возрасту они смотрелись скорее как родители традиционных молодоженов.

Возможно, это был не первый их брак. Не исключено, что они пережили развод или овдовели, а теперь вот нашли себе новую свою половинку и решили обвенчаться.

Церковь эта напомнила Субхашу мечеть на развилке в Толлиганге – место религиозного поклонения людей другой веры, всегда служившее ему чем-то вроде ориентира.

В другой день, когда церковь пустовала, он поднялся по каменной дорожке. Дверь была довольно узкой – не шире обхвата его рук. Над этой зеленой скругленной дверью располагались круглые оконца красно-белого стекла – такие крошечные, что в них не поместилось бы даже лицо, а только ладонь.

Дверь была заперта, поэтому он обошел вокруг церкви и, привстав на цыпочки, заглянул в большое окно.

Внутри он увидел серые скамьи с красными краями. И там было так светло и просторно, что ему вдруг захотелось оказаться внутри, присесть на такую скамью, почувствовать уют этих светлых стен и чуть скошенных углом сводов.

Ему вспомнилась та недавно обвенчавшаяся пара, и впервые в жизни он задумался о своей будущей женитьбе. Возможно, потому, что здесь, в Род-Айленде, он чувствовал себя каким-то одиноким и потерянным.

Он пытался представить себе женщину, которую выбрали бы ему в жены родители. Хотел угадать, когда это будет. Ведь женитьба означала бы возвращение в Калькутту. Но с этим ему спешить не хотелось.

Он очень гордился тем, что смог приехать в Америку один. И осваивать ее самостоятельно – как когда-то он осваивал свои первые в жизни шаги и слова. Он ведь так хотел уехать из Калькутты – и не только ради образования, а еще и из-за того (теперь-то он мог себе в этом признаться), чтобы сделать какой-то серьезный в жизни шаг без Удаяна.

Собственно говоря, это и было основным мотивом его поступка. Хотя в итоге он оказался абсолютно неподготовленным к этой новой жизни. Несмотря на то что его жизнь с каждым днем все больше обретала привычный характер, он чувствовал какую-то неприкаянность. Здесь, в незнакомом месте рядом с морем, он остро чувствовал свою оторванность от дома, от своих корней, от Удаяна и от многих-многих дорогих сердцу особенностей.

Ричард редко бывал по вечерам дома, но когда такое случалось, он охотно принимал приглашение Субхаша вместе поужинать. Он выходил на кухню со своей пепельницей и

пачкой сигарет и угощал Субхаша пивом, пока тот готовил карри и варил рис. Раз в неделю Ричард отвозил Субхаша в супермаркет и брал на себя половину расходов на продукты.

Однажды в выходной день, когда оба позволили себе оторваться от учебы, Ричард отвез Субхаша на пустую автостоянку в студенческом городке. Там он начал учить его водить машину, чтобы Субхаш потом мог сдать на водительские права, взять внаем автомобиль и ездить на нем, куда ему нужно.

Когда Ричард счел, что Субхаш уже достаточно подготовлен, то разрешил ему порулить по городу, они даже доехали до мыса Пойнт-Джудит. Вождение машины оказалось захватывающе интересным занятием. Субхашу очень понравилось сбрасывать скорость на городских светофорах, а потом набирать ее снова на пустынной загородной дороге вдоль побережья.

Он вел машину по Галилее, мимо пирсов и лиманов, где люди в высоких резиновых сапогах бродили по воде и собирали моллюсков. Мимо прибрежных кафешек, где подавали блюда из даров моря, нарисованных для рекламы прямо на фасадах. Потом они добрались до маяка на зеленом холме. Темные камни внизу опутывали водоросли, а наверху на башенке, в синеве неба, развевался флаг.

Им повезло увидеть красивый закат, когда солнце садилось за маяк на фоне голубого моря с белыми барашками волн, разбивающихся о прибрежные скалы. Они вышли из машины и закурили, подставив лица соленым морским брызгам.

Они заговорили о резне во вьетнамской деревне Мэй-Лэй – подробности тогда только появились в прессе. Сообщения о массовых убийствах, о рвах с мертвыми телами, об американском лейтенанте, находящемся под следствием.

– В Бостоне будет демонстрация протеста. У меня там есть друг, который мог бы приютить нас на ночь. Не хочешь поехать со мной?

– Не знаю, наверное, нет.

– Тебя не возмущает война?

– Нет, не в этом дело, просто я же не дома, разве могу тут протестовать?

Субхаш вдруг понял, что может быть честным с Ричардом. Ричард умел слушать, не перебивал и не перечил и ничуть не пытался навязать свои убеждения.

По дороге домой Ричард расспрашивал Субхаша об Индии, о ее кастовой системе, о всеобщей нищете.

– Ну и кто в этом виноват?

– Не знаю. Теперь все валят вину на других.

– А кто будет решать, как выйти из этого положения? На чьей стороне правительство?

Субхаш не знал, как описать американцу запутанную расстановку политических сил в Индии и сложную структуру индийского общества. Он просто сказал, что это очень древняя страна и вместе с тем очень молодая и что она сейчас пытается в борьбе познать саму себя.

– Тебе надо с моим братом говорить, – сказал он.

– А у тебя есть брат?

Субхаш кивнул.

– Ты никогда о нем не упоминал. А как его зовут?

Субхаш помолчал, потом произнес имя Удаяна – впервые с тех пор, как приехал в Род-Айленд.

– Ну, так что сказал бы Удаян?

– Он сказал бы, что проблему составляет аграрная экономика, свойственная феодализму. Он сказал бы, что страна должна основываться на принципах равноправия и что она нуждается в земельной реформе.

– Звучит как китайская модель.

– Да. Он же поддерживает Наксалбари.

– Наксалбари? А что это?

Через несколько дней в своем почтовом ящике на факультете Субхаш нашел письмо от Удаяна. Оно было написано по-бенгальски, ровными абзацами, и отправлено в октябре, а сейчас на дворе уже стоял ноябрь.

Если письмо это дойдет до тебя, уничтожь его потом. Не нужно компрометировать нас обоих. Но поскольку вторгнуться в Соединенные Штаты я могу только письмом, то не могу устоять. Я только что вернулся из очередной поездки, встречался с товарищем Санъялом. Имел возможность сидеть с ним рядом, разговаривать. Мне пришлось надеть на глаза черную повязку. Когда-нибудь расскажу тебе об этой встрече.

Почему от тебя нет вестей? Неужели так пленила тебя флора и фауна мощнейшего мирового капиталиста? Но вот если ты смог порвать бы свои путы и попытаться принести пользу... Я слышал, у вас там антивоенное движение набирает силу.

А у нас здесь происходят обнадеживающие изменения. Формируется Красная гвардия, ее отряды разъезжают по деревням, пропагандируют учение Мао Цзэдуна. Наше поколение – это передовой авангард, студенческая борьба – это часть вооруженной борьбы крестьянства. Так говорит Маджумдар.

Ты вернешься в изменившуюся страну, в более справедливое общество, в этом я уверен. И родной дом тоже изменится. Папа взял в банке ссуду. Они хотят расширяться. Считают, что это просто необходимо. Что мы не сможем обзавестись семьями под крышей такого тесного дома.

Я сказал им, что это пустая трата денег, какая-то причуда, ведь ты даже не живешь здесь. Но они не стали меня слушать, а теперь поздно вмешиваться, уже приезжал архитектор, дом весь в строительных лесах. Родители говорят: стройка займет год или два.

Без тебя здесь как-то скучно. И хоть я не простил тебя за то, что ты не поддержал движения, призванного улучшить жизнь миллионов людей здесь, надеюсь, что ты простишь меня за доставленные тебе разочарования. Поскорей бы ты уж закончил то, чем ты там занимаешься. Обнимаю тебя с братскими чувствами.

Он закончил письмо цитатой: «Война принесет революцию, революция остановит войну».

Субхаш перечитал письмо несколько раз. Казалось, будто их и не разделяло расстояние длиной в полмира, будто Удаян был здесь, разговаривал с ним, поддразнивал его. Субхаш сейчас остро ощутил эту их взаимную привязанность. Она натянулась почти до разрыва из-за того, что стояло сейчас между ними, но все же не рвалась.

Конечно, Субхаш мог сохранить это письмо, написанное на бенгальском языке, но он понимал: Удаян прав – его содержание, упоминание о Санъяле, окажись данное письмо не в тех руках, могли грозить неприятностями им обоим. На следующий день он взял письмо с собой в лабораторию. Под вымышленным предлогом задержался там после занятий, дождался, когда останется совсем один. Тогда он положил письмо в лабораторную раковину, чиркнул спичкой и стал смотреть, как начали обугливаться края бумаги, как исчезали в огне слова, написанные братом.

Я занимаюсь изучением процесса окисления осадочных пород в эстуариях в период отлива. И различными процессами взаимодействия,

происходящими между полосами барьерного рифа и материковой частью. Например, таким явлением, как почернение песка под воздействием сульфида железа.

Может, это звучит странно, но, когда небо здесь заволакивает тучами, что-то в прибрежном пейзаже, в воде, в траве, в запахе навеивает мне воспоминания о доме. Передо мной всплывают картины нашей низины, наших заливных лугов. Конечно, рис здесь не растет – только мидии и всякие другие моллюски, которых любят употреблять в пищу американцы.

Болотную осоку здесь называют «спартиной». Я узнал тут недавно, что она, оказывается, умеет выделять соль, поэтому ее стебли и листья часто покрыты белым кристаллическим налетом. По ее стеблям ползают улитки. Она растет здесь на местных торфяниках уже миллионы лет. Ее корни укрепляют берег. Вот ты знал, например, что она размножается спорическими ризосомами? Как наши мангровые деревья в Толлиганге. Нет? Мне просто очень хотелось рассказать тебе это.

Лужайка перед учебными корпусами была теперь вся засыпана опавшей сухой листвою, ее ворошил осенний ветер. Ноги по щиколотку утопали в этих листьях, которые то и дело дыбились и взвихрялись, словно под ними что-то живое пыталось подняться, но потом залегало снова.

Субхаш получил водительские права, и теперь у него были ключи от машины Ричарда. Тот уехал на междугородном автобусе на неделю праздников Дня благодарения к своей семье. Университет на праздники закрылся, даже библиотека не работала, так что пойти было совершенно некуда.

Днем он садился в машину и ехал наугад, безо всякой цели. Ездил через мост в Джеймстаун, Ньюпорт и обратно. В дороге слушал по радио эстрадные песни и сводки погоды на суше и на море: «Ветер северный, от десяти до пятнадцати узлов в секунду, во второй половине дня с переходом в северо-восточный. Высота волны от двух до четырех футов. Видимость – от одной до трех морских миль».

Вечер наступал быстро – в пять часов уже надо было включать фары. Однажды он решил поужинать в итальянском ресторанчике, где он иногда бывал с Ричардом. Он сидел за барной стойкой, пил пиво, ел сытную итальянскую еду и смотрел по телевизору футбол. Из посетителей он был там один. Когда он расплачивался, ему сказали, что в праздник Дня благодарения ресторанчик будет закрыт.

В тот день дороги были совсем пустынные, весь город словно вымер. Даже никаких признаков празднования на улицах. Никаких массовых мероприятий, никаких праздничных церемоний, о которых он был наслышан. Если не считать толпы, привалившей на футбольный матч на стадионе студенческого городка.

Еще он ездил по жилым кварталам, где жили многие преподаватели. Из каминных труб поднимался дым, на пустынных, шуршащих палой листвою улицах стояли припаркованные машины с номерными табличками разных штатов.

Он доехал до самых окраин Чарльзтауна, до зарослей теперь уже покоричневевшей осоки – спартины. Яркое солнце клонилось к закату. У соленого лимана Субхаш съехал на обочину.

В высокой болотной траве, почти сливаясь с ней сероватым оперением, стояла цапля – так близко от дороги, что Субхаш даже разглядел похожий на янтарную бусинку глаз птицы. Шея ее была изогнута изящной буквой S, а длинный острый клюв походил на нож для распечатывания писем, который родители подарили ему на память перед его отъездом.

Он опустил окошко. Цапля стояла неподвижно, потом ее длинная шея вдруг вытянулась и задрожала, словно птица почувствовала на себе взгляд Субхаша. В Толлиганге цапли в низине не были такими толстыми и такими царственно-важными.

Он наблюдал за птицей с интересом – как покатились каплями вода с перьев у нее на груди, когда она окунула голову в воду, как она смешно перебирала длинными сгибающимися назад ногами, когда величаво ступала по воде.

Он долго бы еще любовался птицей, но на узкой, чавкающей грязью боковой дорожке показалась приближающаяся машина, и Субхаш вынужден был тронуться с места. Когда он объехал кругом и вернулся, цапли уже не было.

На следующий день он снова приехал на то место, долго бродил по краю болотистой заводи, выискивал глазами долговязую фигуру птицы. Потом стоял, любясь горизонтом и золотистым закатом. Он решил уже, что птица, наверное, улетела на зимовку в теплые края, когда вдруг услышал хриплое настойчивое криканье.

Это была цапля. Она летела над водой, медленно и размашисто хлопая большими крыльями, и выглядела сейчас ничем не обремененной и свободной. Ее длинная шея была втянута в туловище, темные ноги свободно висели. На фоне неба она казалась черным силуэтом.

Субхаш приехал туда и на третий день, но птицы нигде не нашел. Впервые в жизни он почувствовал в душе какую-то беспомощную любовь.

Началось новое десятилетие – 1970-е. Зимой, когда деревья стояли голые, а мерзлая земля покрылась снегом, пришло второе письмо от Удаяна, на этот раз в конверте.

Субхаш разорвал его и вынул маленькую черно-белую фотографию. На ней была изображена молодая женщина в полный рост со скрещенными на груди руками.

Она держалась непринужденно, и взгляд у нее был даже чуточку скептический. Голова немного склонена набок, губы сомкнуты в едва заметной, игривой улыбке. Кожа лица ровная, гладкая. Волосы заплетены в косу, лежащую на плече.

Она была не просто привлекательна, но и уверена в себе. Совсем не похожа на тех девушек-скромниц, на которых им с Удаяном все кивала мать на свадьбах родни. Ее явно сфотографировали случайно на одной из улиц Калькутты, перед зданием, которого Субхаш не узнал. Интересно, подумал он, кто ее фотографировал? Удаян? И Удаян ли вызвал это игривое выражение на ее лице?

Это тебе вместо традиционного приветствия, хотя в свое время представляю вас друг другу как подобает. А пока вот познакомься по фотографии. Мы с ней знакомы уже пару лет. Старались держать все в тайне, но ты же знаешь, как это бывает. Зовут ее Гори, она учится на философском факультете в Президенси. Выросла и живет в северной Калькутте, на Корнуоллис-стрит. Родители ее умерли, она живет с братом (он мой друг) и с несколькими родственниками. Нарядам и украшениям она предпочитает книги. И она верит в те же идеи, что и я.

Как и председатель Мао, я целиком и полностью отторгаю идею брака по договоренности. Я думаю, это единственная особенность на Западе, которая меня восхищает. В общем, мы поженились. Но ты не волнуйся – мы просто сбежали, но никакого скандала не было. Дядей ты не станешь. Пока, во всяком случае. Слишком много детей страдают от несовершенства нашего общества, так что сначала надо разобраться с ним.

Жаль, что тебя нет здесь сейчас, но ты не пропустил ничего особенного. Никаких праздников мы не устраивали, была просто гражданская регистрация. Маму и папу я поставил в известность уже по

факту, как и тебя сейчас. Я сказал им: либо вы примете ее, и мы вместе вернемся в Толлиганг, либо мы будем жить как муж и жена где-либо еще.

Они до сих пор в шоке, расстроены из-за этого, но Гори и я сейчас живем у них, учимся уживаться в одном доме все вместе. Им невыносимо было сообщить тебе о моем поступке, поэтому я сообщаю тебе сам.

В конце письма он попросил Субхаша купить для Гори несколько книг, которые, по его словам, гораздо легче найти в Штатах.

Только не посылай их почтой, они просто пропадут. Привези с собой. Ты же скоро приедешь поздравить меня?

На этот раз он не стал перечитывать письма – одного раза было достаточно.

Удаян имел работу, но его зарплаты было недостаточно, чтобы содержать не то что семью, а даже одного себя. Ему еще не исполнилось и двадцати пяти лет. Рано для женитьбы. И хоть родители уже начали расширять дом, Субхашу решение брата представлялось импульсивным, а хлопоты, возложенные им на родителей, – преждевременными. И его вообще озадачивало, как это Удаян, так много времени отдававший себя политике, общественным делам и так презрительно относившийся к бытовым условностям, вдруг вздумал жениться.

Удаян не только женился раньше Субхаша, но еще и женился на той, кого выбрал сам. Самостоятельно сделал шаг, которым, по мнению Субхаша, должны были все-таки руководить родители. Добавился еще один пример лидерства Удаяна перед Субхашем, его нежелания ни в чем оказываться вторым. Еще один пример его самостоятельности.

На обороте фотографии красовалась сделанная почерком Удаяна дата более чем годовой давности – 1968. То есть Удаян познакомился с девушкой и влюбился в нее, когда Субхаш еще жил в Калькутте. Значит, все это время Удаян скрывал от брата свою девушку.

Это письмо Субхаш тоже уничтожил. Оставил только фотографию, спрятав ее в одном из учебников.

Время от времени он доставал ее и разглядывал. Ему интересно было, когда он все-таки лично познакомится с Гори и какое мнение о ней составит, ведь их связывает родство. И где-то глубоко в душе он опять испытывал чувство поражения – Удаян опять обошел его, нашел себе такую девушку.

Часть вторая

Глава 1

Обычно она читала на балконе или находилась в соседней комнате, когда ее брат с Удаяном занимались и курили, выпивая одну чашку чая за другой. Манаш познакомился с Удаяном в Калькуттском университете, где оба учились в аспирантуре на факультете физики. Большую часть времени их книги о свойствах жидкостей и газов пролеживали впустую, пока они увлеченно обсуждали последствия происшествий в Наксалбари и события текущего дня.

Дискуссии эти неизменно сбивались на тему повстанческих движений в странах Индокитая и Латинской Америки. Кубинская революция – это даже не массовое движение, особо отмечал Удаян, а небольшая группа людей, атакующая правильные цели.

По всему миру студенческие движения набирали силу, восставая против эксплуататорской системы. «Второй закон Ньютона в действии, – любил шутить Удаян. – Ускорение прямо пропорционально силе и обратно пропорционально массе».

Но Манаш относился к ним скептически.

– Что могут знать эти городские студенты о жизни в деревне?

– Ничего, – отвечал Удаян. – Нам придется поучиться у них.

В приоткрытую дверь она любовалась им. Высокий, стройный, он выглядел старше своих двадцати трех. Одежда свободно висела на нем. Он одевался и в национальные рубашки, и в европейские тоже. Носил навывпуск, никогда не застегивал верхние пуговицы и всегда закатывал рукава по локоть.

Он сидел в комнате, где они слушали радио на кровати Гори, которая днем служила диваном. У него были худые руки, а пальцы его казались еще длиннее, когда держали фарфоровую чашечку с чаем. Волосы у него были волнистые, брови густые, а взгляд темных глаз – томный.

Руки его всегда находились в движении, словно дополняли голос, уточняя сказанное. Он всегда открыто улыбался, даже когда спорил. Зубы немного выдавались вперед, когда он смеялся, как будто их оказалось слишком много. Она почувствовала какое-то притяжение к нему с самого начала их знакомства.

Он никогда не заговаривал с Гори, если ей случалось прошмыгнуть мимо. В общем-то даже не смотрел в ее сторону, словно не замечал вовсе младшей сестры Манаша. Так продолжалось до одного дня, когда мальчишку, служившего в доме по хозяйству, отправили куда-то с поручением, и Манаш попросил Гори приготовить им чай.

Она не смогла найти поднос, чтобы поставить чашки, и внесла их в комнату просто в руках, открыв дверь плечом. Удаян взял у нее из рук чашку, остановил на девушке долгий взгляд и задал ей первый вопрос:

– Где ты учишься?

Поскольку Президенси-колледж и Калькуттский университет располагались рядом, она искала его глазами все время – то во дворе перед учебными корпусами, то в библиотеке, то в студенческой столовой, когда приходила туда с подружками. Что-то подсказывало ей: он не посещает занятия так регулярно, как она. И она начала постоянно высматривать его с балкона квартиры ее бабушки и дедушки, выходившего на угол Корнуоллис-стрит.

И однажды она разглядела его с балкона, даже сама удивилась, как узнала его среди сотен темноволосых прохожих. Он стоял на углу на противоположной стороне и покупал сигареты. Потом он перешел через дорогу и направился к их дому.

Она присела под перила, под развешанное на веревке белье, боясь, как бы он не заметил ее. А через две минуты на лестничной площадке уже слышались его шаги и стук дверного молотка. Она слышала, как слуга-мальчишка впустил его.

В тот день, кроме нее, дома никого не было. Она думала, что он уйдет, не застав дома Манаша, но он вышел к ней на балкон.

– Никого больше нет? – спросил он.

Она покачала головой.

– Тогда можно с тобой поговорить?

Белье на веревке – ее трусики и блузки – было еще влажным. Он открепил одну из блузок и перевесил на прищепках подальше, чтобы освободить место.

Он делал это медленно, и пальцы его дрожали. Стоя с ним рядом, она заметила: он гораздо выше ее ростом и плечи у него чуть ссутулены. Он чиркнул спичкой и прикурил сигарету. Мальчик-слуга принес печенье и чай.

С четвертого этажа они смотрели на перекресток, стояли рядышком, облокотившись на перила, видели величавые каменные громады домов с усталыми от времени колоннами и осыпающимися карнизами.

Его рука с дымящейся в пальцах сигаретой свисала через край перил. Рукава рубашки были закатаны, и на руке просвечивали через кожу зеленовато-серые прожилки вен.

Внизу колыхалась многолюдная толпа, вызывавшая ощущение какой-то бушующей стихии. Люди двигались – кто пешком, кто в автобусах и трамваях, кто на рикшах. На противоположной стороне улицы располагался ряд ювелирных магазинов с зеркальными стенами и потолками, в которых покупатели превращались в бесконечный ряд отражений. Там же находилось ателье, куда они носили гладить одежду. Магазин канцелярских товаров, где Гори покупала чернила и тетрадки. И лавки сладостей, где прилавки были заставлены лотками со всяким конфетным товаром, над которым жужжали мухи.

На углу, скрестив ноги, сидел продавец бетеля. А в центре перекрестка в будке регулировщик уличного движения в шлеме то и дело свистел и давал отмашку машинам – легковым и грузовым, автобусам, мотоциклам и мотороллерам, чьи работающие моторы сливались в едином рокоте.

– Мне нравится этот вид с балкона, – сказал он.

И она призналась, что тоже любит наблюдать за жизнью города отсюда, с балкона. Политические демонстрации, шествия, парады. Непрекращающийся поток машин, начинающийся с рассветом. Похороны писателей и разных знаменитостей, траурные шествия, несущие гроб, усыпанный цветами. Пешеходы пробирались по колено в воде во время муссонных дождей.

Осенью праздник Дурги, а зимой – Сарасвати. Их величественные глиняные изваяния торжественно въезжают в город под дробь национальных барабанов и пронзительные звуки труб. Фигуры привозят на передвижных грузовых платформах, а в конце праздников увозят, чтобы погрузить в реку.

И протестные марши студентов, шагающих от Колледж-стрит с флагами и транспарантами, с поднятыми вверх кулаками в знак солидарности с повстанцами Наксалбари.

Он заметил на балконе складной матерчатый стульчик, на котором обычно сидела Гори. И рядом со стульчиком открытую книгу – «Первоначала философии» Декарта. Он взял книгу в руки.

– Ты читаешь здесь, при таком грохоте?

– А это помогает мне сосредоточиться, – объяснила она.

Девушка вправду привыкла заниматься и спать при таком шумовом фоне, сопровождавшем ее жизнь, ее мысли. Привыкла к этому постоянному, нескончаемому гулу и грохоту и даже находила в нем больше успокоения, чем в тишине. В доме у нее не было своей ком-

наты – только спальное место, – а здесь, на балконе, она чувствовала себя уютно. Балкон, по сути, и был ее комнатой.

Гори рассказала ему, что когда была совсем маленькой, то часто выбиралась по ночам из своей постельки, а утром бабушка с дедушкой находили ее спящей на балконе, прямо на каменном полу, с личиком, прижавшимся к чугунному литью перил. Она спала там, невзирая на шум грохочущей улицы. Ей нравилось просыпаться «на улице», где не было давящего ощущения потолка и стен. Первый раз, не обнаружив ребенка утром в кровати, ее родные решили, что она пропала. Они переполошились, отправили людей на улицу на ее розыски, и те бегали по мостовой, выкрикивали ее имя.

– А потом как же? – спросил Удаян.

– А потом они нашли меня здесь спящей.

– Ну, они потом запретили тебе так делать?

– Нет. Просто стали оставлять на балконе для меня стеганое одеяло.

– Значит, таково твое древо-бодхи, где ты достигаешь просветления.

Она пожала плечами.

Взгляд его упал на книгу, и он сказал:

– А что говорит нам об устройстве мира господин Декарт?

Она рассказала ему, что знала. О границах восприятия и об опыте с кусочком воска. Нагретый над огнем воск оставался как вещество, хотя физическая его форма менялась. Но воспринять это люди способны только разумом, а не чувствами.

– То есть мысль первична, чувства вторичны?

– Для Декарта да.

– А Маркса ты читала?

– Немного.

– А почему ты решила изучать именно философию?

– Философия помогает мне понимать многие вещи.

– Ну а на практике как ее применить?

– Платон утверждал, что цель философии – это научить нас умирать.

– Живому незачем учить такие вещи. А в смерти мы все равны. В этом заключается преимущество смерти перед жизнью. – Он отдал ей закрытую книгу, не задумываясь о закладке. – А сейчас и вообще высшее образование теряет свою значимость в нашей стране.

– Но ты же изучаешь физику в аспирантуре, – возразила она.

– Потому что это радует моих родителей. А для меня эта учеба мало что значит.

– А что для тебя много значит?

Он повел рукой, указал вниз на улицу:

– Вот этот наш невозможный город.

На этом он сменил тему, стал спрашивать о ее родственниках, которые, кроме нее и Манаша, жили в этой квартире. Два ее дяди с женами и детьми. Ее бабушки и дедушки по материнской линии, которым в свое время принадлежала эта квартира, теперь уже не было в живых. Как и ее родителей. Старшие сестры вышли замуж и разъехались кто куда.

– Вы все росли здесь?

Она покачала головой. Оказалось, раньше они жили в разных местах – в Восточной Бенгалии, в Кхулне, в Фаридпуре. Отец ее был окружным судьей, и семья каждый год переезжала на новое место, в красивые загородные дома, которые предоставлялись за казенный счет и в которых имелась прислуга – повара и привратники.

В одном из таких домов родился Манаш. Сам он почти ничего не помнил, а вот ее сестры то и дело предавались воспоминаниям о тех временах. Об учителях, которые приходили в дом давать им уроки пения и танцев, о мраморных столах, за которыми они обедали, о

просторных верандах, где они резвились, об отдельной игровой комнате с самыми разными куклами и игрушками.

В 1946 году эти судебские назначения закончились, и семья вернулась в Калькутту. Но уже через несколько месяцев отец заявил, что не хочет доживать свой век в городе, ведь всю жизнь провел вдали от городской суматохи. Да и теперь люди здесь режут и истребляют друг друга, а целые кварталы полыхают пожарами.

Однажды утром во время массовых бунтов, вот с этого самого балкона, где сейчас стояли Удаян и Гори, ее родители видели страшную сцену. Толпа окружила мусульманина, везшего на велосипеде молоко в их дом. Разъяренные люди жаждали расправы после того, как стало известно, что двоюродный брат этого молочника участвовал в нападении на индуса где-то в другой части города. Родители Гори видели, как один из индусов вонзил нож молочнику под ребра. Недоставленное молоко разлилось по мостовой, порозовев от перемешавшейся с ним крови.

Поэтому семья переехала жить в деревню на западе от Калькутты, в нескольких часах езды от города. Там, на природе, в тишине и спокойствии, они решили остаться навсегда. Недалеко от деревни был пруд, где ловили рыбу, в их дворе бегали куры, которые несли яйца, а за их огородом любил ухаживать отец. Ничего, кроме полей, грязных дорог, неба и деревьев. Ближайший кинотеатр находился за двадцать миль от их дома. Раз в год приезжала ярмарка, где можно было купить книги. А по ночам там стояла крошечная темень.

Когда в 1948 году родилась Гори, ее мать уже занималась свадебными приготовлениями для старших дочерей. Ее сестры были старше Гори почти на поколение – когда она была крохотной, они стали уже девушками, а когда она чуть подросла, они были уже молодыми женщинами. Она потом оказалась теткой их детям, хотя была одного с ними возраста.

– И долго вы жили в деревне?

– До тех пор, пока мне не исполнилось пять лет.

К тому времени болезнь уже приковала ее мать к постели – туберкулез позвоночника. Сестры Гори, конечно, управлялись по хозяйству самостоятельно, но Гори с Манашем были им в тягость. Поэтому их отправили в город, к бабушке с дедушкой, к дядям и тетям.

Даже когда мать потом поднялась с постели, они все равно остались жить в городе. Манаш пошел в школу, а Гори ни за что не хотела с ним разлучаться. Тем более что вскоре она и сама стала школьницей.

Она в любой момент могла вернуться в деревню к родителям, но, навещая их по праздникам, все больше и больше понимала – сельская жизнь не привлекает ее. Она совсем не обижалась на родителей, что они не растят ее – ведь такое часто случалось в больших семьях при определенных обстоятельствах. Наоборот, она даже была им благодарна, что они позволили ей пойти по самостоятельному пути.

– Это был их дар тебе, – сказал Удаян. – Автономия.

Ее родители погибли в мотоциклетной аварии на горной дороге. В плохую погоду они поехали на горную турбазу немного развяться. Гори тогда было шестнадцать. Родительский дом был продан. Их внезапная гибель явилась для нее большим ударом, но смерть бабушки с дедушкой впоследствии опечалила ее еще больше. Ведь она выросла в их доме, видела их каждый день, на ее глазах они старели, становились немощными, но и научили почти всему. И именно дедушка, преподававший в Санскрит-колледже и умерший с раскрытой книгой на груди, вдохновил ее на изучение философии.

Она видела, что это путешествие по воспоминаниям о ее жизни интересно Удаяну – ее рождение в деревне, ее желание жить отдельно от родителей, ее несколько отчужденное положение среди родни, которое можно было воспринимать как своего рода независимость.

Он закурил новую сигарету и рассказал ей про свое детство, совсем не похожее на ее ранние годы. Про то, что они с братом были единственными детьми у своих родителей и что они все вчетвером живут в домике в Толлиганге.

– А чем занимается твой брат?

– Вот, стал поговаривать о поездке в Америку.

– А ты поедешь с ним?

– Нет. – Он повернулся к ней. – А ты? Ты будешь скучать об этом доме, когда выйдешь замуж?

Она обратила внимание на то, что губы у него не смыкаются полностью, что посерединке всегда остается ромбовидная дырочка.

– Я не собираюсь замуж.

– А родственники тебя не заставляют?

– Они не могут мной распоряжаться. У них есть свои дети.

– Тогда что ты хочешь делать, если не собираешься замуж?

– Я могла бы преподавать философию в колледже или в школе.

– И жить здесь?

– Да. А что?

– А вообще ты молодец. Почему ты должна уезжать из любимого дома и бросать любимое занятие ради мужчины?

Он явно заигрывал с ней – она не могла этого не заметить. Заигрывал в течение всего разговора, пока пытался узнать подробности ее жизни, которых она не поведала бы ни одному мужчине.

Он помолчал и вдруг указал рукой на перекресток:

– А если бы ты, выйдя замуж, стала бы жить на балконе одного из этих вот соседних домов напротив, то тогда как?...

Она не смогла сдержать улыбки – сначала прикрыла рот ладошкой, а потом отвернулась и рассмеялась.

Сначала они встречались в его студенческом городке и в ее колледже. Но теперь они, даже если не назначали свидания, все равно бежали друг к другу. Он поджидал ее после занятий на ступеньках Президенси, и потом вместе сидели во дворе учебного корпуса, увешанного флагами и лозунгами студенческого профсоюза. Там они слушали речи на стихийных митингах: о неумеренном росте цен на продовольствие, о росте народонаселения, о сокращении рабочих мест. Когда эти митинги перерастали в марши и выдвигались по Колледж-стрит в город, он тоже шел с остальными и приглашал ее.

Он стал знакомить ее с определенной литературой – купил специально для нее «Манифест» Маркса, «Признания» Руссо и книгу Феликса Грина о Вьетнаме.

Она видела, что производит на него впечатление – не только тем, что читает эти книги, но и тем, что может их обсуждать. Они обменивались мнениями о границах политической свободы и рассуждали, можно ли считать свободу и власть одной и той же вещью. Об индивидуализме, ведущем к иерархичности. О том, каким является их общество сейчас, каким оно могло бы стать впоследствии.

Она чувствовала, как много новых мыслей появляется у нее, как сама учится сосредотачиваться, как ее убеждения меняются – теперь видит устройство железобетонных конструкций мира вместо того, чтобы просто подвергнуть сомнению их существование. В те дни, когда они не виделись с Удаяном, она ощущала даже еще большую близость с ним и постоянно думала о темах, которые были для него важны.

Поначалу они пытались держать свои отношения в тайне от Манаша, но обнаружили, что тот и сам лелеял такую надежду, сам был уверен, что эти двое должны образовать пару.

Он даже старался облегчить Гори жизнь – «отмазывал» ее перед домашними, когда она бегала на свидания с Удаяном.

Расставались они всегда коротко и неожиданно, потому что Удаяну всегда нужно было попасть то на митинг, то на занятия – впрочем, он никогда толком не объяснял куда. Уходя, он никогда не оглядывался, но замедлял шаг, знал: она смотрит ему вслед, и закуривал на ходу сигарету, а потом его длинные ноги уже несли его куда-то.

Иногда он заводил разговор о переезде в какую-нибудь деревню, вроде той, где могла вырасти она, если бы не уехала в город. В деревнях после событий в Наксалбари жизнь наверняка уже не была такой спокойной, как прежде.

Ему хотелось увидеть Индию, поездить по стране, как это делал Че в Южной Америке. Он намеревался собственными глазами увидеть и собственным умом охватить те обстоятельства, в каких жили люди. И еще у него было большое желание когда-нибудь все-таки побывать в Китае.

Он рассказывал ей про своих друзей, которые уже уехали из Калькутты, чтобы жить в деревне среди крестьян.

– А ты поняла бы меня, если я почувствовал бы необходимость так поступить? – спросил ее как-то Удаян.

Гори сразу сообразила: он проверяет ее, и она потеряет его уважение, если предастся чувствам и не захочет рискнуть. И поэтому, совсем не желая с ним разлучаться и боясь за него, она ответила, что поняла бы такое стремление.

Наедине с собой она размышляла о себе, о своем характере. О такой свободной девушке, погруженной в книги и просиживающей свои дни в прохладных чертогах библиотеки Президенси-колледжа. Но эту девушку, эту личность она уже начала подвергать критике после знакомства с Удаяном. Такую личность Удаян, с его нервными пальцами, уверенно отстранил бы от себя. И Гори начала мысленно очищать себя от всякой наносной шелухи, как очищают стекло от налета пыли.

В детстве, помня о своем неожиданном приходе в дом бабушки и дедушки, она так и не знала, кто она такая и кому принадлежит. Если не считать Манаша, ее отношения с другими детьми в семье не очень-то складывались. Она не помнила хотя бы одного момента, когда она могла остаться с мамой и папой наедине. Всегда только в хвосте очереди, в тени других. Это вечное чувство собственной незначительности, неспособности отбросить собственную тень.

В обществе мужчин она тоже чувствовала себя невидимкой. Она знала, что не относится к тем женщинам, на кого заглядываются на улице или на родственном свадебном торжестве. Никто не начинал ухаживать за ней, никто не звал замуж, как ее сестер. В этом смысле она сама себя разочаровывала.

На самом деле в ее внешности не было ничего отталкивающего или спорного, если не считать слишком уж яркого цвета лица, который можно было принять за румянец. И все же, задумываясь над своей внешностью, она всякий раз неизменно приходила к выводу: лицо у нее слишком вытянутое, а черты излишне четкие. Ей казалось – такое лицо не может понравиться, и ей хотелось как-то изменить свою внешность.

Но Удаян смотрел на нее так, словно других женщин в городе не было. Когда они встречались, Гори чувствовала: он ею восхищается. Ему очень приятно стоять с ней рядом, смотреть на нее, любоваться ею. Он заметил, когда она в один прекрасный день сменила в волосах прямой пробор на косой, и сказал, что так ей больше идет.

Однажды в книге, которую он ей дал, она нашла записку с приглашением в кино. На дневной сеанс, в кинотеатр неподалеку от Парк-стрит.

Она боялась пойти, но боялась и не пойти. Одно дело сидеть с ним «на сачке» в колледже, или в студенческой столовке, или на трибунах бассейна – там, где и полагается быть студентам, – и совсем другое дело – отправиться куда-то далеко, пусть даже и на дневной сеанс.

В тот день она долго собиралась с мыслями и в итоге опоздала – успела только к перерыву, и очень боялась его уже не застать. Но он не ушел.

Он ждал ее на улице, покуривал сигарету среди других зрителей, уже обсуждавших первую часть фильма. Солнце палило нещадно, он подошел к ней, соединил ладони и таким самодельным зонтиком прикрыл ее голову. Этот жест подарил ей ощущение защищенности. Какой-то их уединенности в этом многолюдном городе.

Лицо его не выражало ни малейшей раздражительности или нетерпения, когда он увидел ее. Только радость. Как будто он точно знал: она придет, хотя и так сильно опоздает. Когда она спросила о содержании фильма, он покачал головой.

– Не знаю, – ответил Удаян и протянул ее билет.

Он стоял, оказывается, все это время на тротуаре и ждал ее. И ждал, когда они окажутся в темноте кинотеатра, чтобы взять ее за руку.

Глава 2

На второй год обучения на степенъ Субхаш стал жить в доме один. Ричард нашел себе преподавательскую работу в Чикаго и уехал.

В весеннем семестре вместе с другими студентами и преподавателями Субхаш ходил в трехнедельное плавание на исследовательском судне. Корабль рассекал волну и оставлял за собой пенный след, который быстро разглаживался и исчезал. Берег отдалялся довольно быстро и становился тоненькой коричневой змейкой, растянувшейся вдоль водной кромки. Земля вдалеке как будто скукоживалась и бледнела.

Под ярким солнцем судно набирало скорость, Субхаш с радостью ловил лицом встречный ветерок и даже малейшее шевеление воздуха. Сначала они ходили в водах Баззардс-Бэй. Два года назад одна баржа туманной ночью напоролась на береговые камни близ Фальмута, и двести тысяч галлонов горючего топлива вылились в воду. Течение разнесло топливо до самого Уайлд-Харбора. Разлившиеся углеводороды убили в море всю растительность, и редкие виды крабов просто погибли.

Студенты и ученые вылавливали сетью рыбу и туристический мусор ради образцов для исследования придонных отложений. Изучив полученные образцы, они пришли к выводу: степенъ загрязнения морской воды неуклонно растет.

Они продолжили свои исследования вдоль побережья Джорджес-Бэнк и в воде обнаружили большие скопления фитопланктона. Там популяция диатом выкрасила поверхность моря в переливчатые павлиньи цвета. Но в пасмурные дни море выглядело унылым и сумрачно-серым.

Субхаш наблюдал за светлоголовыми бакланами с черно-белыми крыльями, за резвящимися парочками дельфинов. За горбатыми китами с их высокими фонтанчиками воды, которые игриво рассекали морскую гладь, подныривали под их корабль, а потом выныривали у другого борта.

Когда судно брало даже слабый курс к востоку, Субхаш вдруг остро осознавал, как далеко он находится от своей семьи. Он пытался посчитать, какое время потребуется, чтобы пересечь такое громадное расстояние.

На корабле, в окружении студентов, ученых и судовой команды, он чувствовал себя почему-то вдвойне одиноким. Он не мог представить свое будущее, измерить лотом глубину пропасти между прошлым и будущим.

Он не видел родных полтора года. Уже полтора года не сидел с ними за одним столом. Дома в Толлиганге не было телефона, о благополучном прибытии в Америку он сообщил телеграммой, а теперь вот учился жить без родителей, получал новости от них только из писем.

В письмах Удайна больше не было упоминаний о Наксалбари и пламенных революционных призывов. В них вообще больше не упоминалось о политике. Вместо этого Удайн писал о счете в футбольных матчах, о последнем фильме Мринала Сена и о всяких переменах, происходивших по соседству, – как закрылся какой-то магазин, или как кто-то из соседей переехал жить в другое место.

Удайн интересовался у Субхаша, как идут дела в учебе и чем помимо учебы он занимается в Род-Айленде. Интересовался, когда Субхаш собирается вернуться в Калькутту, а в одном из писем спросил, собирается ли он жениться.

Субхаш оставлял некоторые письма на память, поскольку избавляться от них уже больше не было нужды. Но их вялый тон озадачивал его, наводил на размышления. Хотя почерк был тот же, складывалось впечатление, будто их написал совсем другой человек. Субхаш мог только гадать, что происходит сейчас в Калькутте, о чем умалчивает брат, что

маскирует этими малозначительными новостями. И Субхашу было интересно, как Удаян ладит с родителями.

Родители в своих письмах только вскользь упоминали о Гори, да и то лишь только в качестве примера того, как не нужно поступать.

Мы надеемся, когда придет время, ты доверишь нам уладить твое будущее, выбрать тебе жену и присутствовать на твоей свадьбе. Мы надеемся, что ты не проигнорируешь наши пожелания, как это сделал твой брат.

В ответных письмах он успокаивал мать с отцом, уверял, что его женитьбой будут заниматься они. Субхаш посылал им часть своей стипендии для оплаты ремонтных работ в доме и писал, что очень соскучился и хотел бы поскорее с ними увидеться. Но дни шли, а разлука по-прежнему продолжалась.

Он чувствовал себя очень одиноким, в отличие от Удаяна, который хоть и рассердил родителей, но все же жил дома, привычным укладом, под их теплым крылышком. Различало братьев то, что Удаян уже был женат, а Субхаш жил вдали от дома. И Субхаш все гадал, заняла ли безраздельно девушка Гори его место в душе Удаяна.

* * *

Однажды пасмурным летним днем он пошел прогуляться по пляжу. Сначала ему не встретился там никто, кроме одинокого рыбака. Только волны набегали на желто-серый каменистый берег. Потом появилась женщина с ребенком и собакой.

Женщина подбирала с земли палки и кидала их собаке. Она была в кроссовках на босу ногу, в ветровке и хлопчатобумажной юбочке выше колен.

Субхаш видел, как женщина и мальчик с пластмассовым ведерком в руках расшнуровали кроссовки и сняли их, а затем стали бродить в воде у самого берега. Они искали морских звезд. Расстроенный мальчик жаловался, что не смог найти ни одной.

Субхаш закатал штанины, снял ботинки и тоже вошел в воду. Он хорошо знал, где прячутся морские звезды. Субхаш оторвал одну от подводного камня, затвердевшую, но еще живую, и положил на ладонь. Потом показал мальчику красные точки у себя на руке, оставшиеся после морской звезды, и сказал:

– А знаешь, что будет, если я приложу ее к твоей руке?

Мальчик покачал головой.

– Она выщиплет у тебя на руке волосы.

– А это больно?

– Да не особенно. Хочешь, покажу?

– А вы откуда приехали? – спросила женщина.

Она была не красивая, но симпатичная, светло-голубые миндалевидные глаза очертаниями напоминали створки мидии. Она выглядела чуточку старше Субхаша. В ее длинных русых волосах запутались морские водоросли.

– Из Индии, из Калькутты.

– Ой, там, наверное, совсем другая жизнь.

– Да.

– А здесь вам нравится?

Никто до сих пор ни разу не задал ему этого вопроса. Субхаш отвернулся, посмотрел на залив, на Ньюпортский мост, соединявший его берега, – недавно достроенный и уже обтянутый нитями зажигающихся по вечерам электрических лампочек.

Один преподаватель рассказывал ему про мост и про его, как оказалось, знаменитую электропроводку, – если ее вытянуть в одну линию, то она протянулась бы на восемь с лишним тысяч миль. Это было расстояние между Америкой и Индией, расстояние, отделявшее его сейчас от родителей и брата.

Он смотрел на приземистый, словно принявший боевую стойку маяк с тремя окошками, похожими на три пуговицы на планке рубашки, построенный на мысе Датч-Айленд. Рядом вдоль деревянного пирса, в конце которого чернел лодочный сарай, болталось на приколе несколько лодок. А многие лодки ушли в море и белели оттуда крапинками парусов.

– Иногда мне кажется: я открыл самое прекрасное место на земле, – сказал он.

И ему еще хотелось сказать ей, что он всю свою жизнь искал такой вот Род-Айленд, такой сказочный уголок на земле, где ему будет дышаться легко.

Ее звали Холли, а мальчика – Джошуа. У Джошуа только что начались каникулы. Пса звали Честером. Они жили в Матунаке, неподалеку от одного из соленых лиманов, часто приходили на пляж студенческого городка погулять с собакой. Про пляж они узнали от женщины, которая жила почти рядом и которая приходила присмотреть за Джошуа в те дни, когда Холли – медсестра в больнице в Ист-Гринвич – уходила на дежурство.

Холли не сказала, чем занимается ее муж, но Джошуа как-то спросил у Холли, возьмет ли его папа с собой на рыбалку в эти выходные. Субхаш предположил, что муж Холли находится сейчас на работе.

Через несколько дней Субхаш заметил на стоянке машину Холли и захотел подойти поздороваться. Она увидела его и издали помахала рукой, похоже, обрадовалась. Честер бежал впереди нее, Джошуа плелся сзади.

Они начали вместе прогуливаться по пляжу, беседовали о том о сем, ступая по путам выброшенной на берег морской капусты, всяких других водорослей и старательно обходя медуз на твердом песке, похожих на огромные цветки хризантем.

Она рассказала ему о себе, о том, что родилась в Массачусетсе, в семье канадцев французского происхождения, что почти всю свою жизнь прожила в Род-Айленде, здесь выучилась на медсестру. Она спросила про его учебу, и он объяснил, что ему еще предстоит учебный курс, а потом надо написать и защитить диссертацию.

– И сколько времени это займет?

– Еще три года. Может быть, больше.

Холли хорошо разбиралась в морских птицах, знала о них почти все. Она объяснила Субхашу, как отличать разные виды чаек. Когда он рассказал ей про цаплю, которую видел в свою первую осень в Род-Айленде, она объяснила – это был еще не до конца оперившийся подросток большой серой цапли.

Женщина сбегала к машине на стоянке, принесла бинокль и показала ему стаю крохалей, летящую вдалеке над заливом.

– Субхаш, а ты знаешь, как ведут себя птенцы ржанки?

– Нет.

– Во время перелета они сбиваются в отдельную стаю и не смешиваются со взрослыми особями. И за весь этот огромный перелет из Новой Шотландии до Бразилии они только иногда опускаются на воду отдохнуть.

– Спят прямо на воде?

– Они ориентируются в этом мире гораздо лучше нас. Как будто у них в мозгу встроен компас.

Она стала расспрашивать его о птицах Индии, и он рассказал ей о тех птицах, каких она никогда не видела. О майнах, гнездящихся на карнизах домов, о кокилах, устраивающих

в городе жуткий галдеж в начале весны, о пятнистых совушках, ухающих по ночам в Толлиганге и терзающих своими крючковатыми клювами пойманных гекконов и мышей.

– А ты, когда закончишь учебу, вернешься в Калькутту? – спросила она.

– Да. Если смогу найти там работу.

Своим вопросом она попала в точку – в семье пребывание его в Америке действительно до сих пор считалось явлением временным.

– А ты скучаешь по родным местам?

– Да. Ведь там я родился и вырос.

Он рассказал ей, что у него есть родители и младший брат. И что теперь у того есть жена, с которой ему еще только предстоит познакомиться.

– А где живет твой брат со своей женой?

– У наших родителей.

Он объяснил: в Индии принято дочерям после свадьбы уезжать к родственникам мужа, а сыновьям оставаться в родительском доме. И разные поколения одной семьи живут там вместе под одной крышей, а не отдельно, как принято здесь.

Он подозревал, что Холли, как и любой другой американке, трудно было бы представить себе такую жизнь. Но Холли отнеслась к его рассказу с уважением.

– А знаешь, в некоторых случаях это даже лучше.

Однажды Холли расстелила на пляже покрывало, выложила на него бутерброды с сыром, нарезанные кружочками огурцы и морковку, миндальные орешки и дольки фруктов. Она предложила Субхашу угоститься этой скромной пищей, и поскольку уже стемнело, то у них получился такой своеобразный ужин. За разговором, пока Джошуа играл в сторонке, выяснилось – Холли и отец Джошуа живут отдельно. Уже почти год.

Тут она отвернулась и, обхватив руками согнутые колени, долго смотрела на воду. Волосы у нее были, как у школьницы, заплетены в две косы.

Субхаш не хотел проявлять лишнее любопытство, но Холли объяснила сама:

– У него сейчас другая женщина.

Субхаш понял: она хотела прояснить положение вещей, поэтому сообщила ему, что она мать-одиночка.

Постоянное присутствие рядом Джошуа позволяло их отношениям оставаться всегда в дружеских рамках. Встречаясь с ней на песчаном пляже, под широким небом, он освобождался от любых тяжелых мыслей. А раньше он все вечера и все выходные напролет посвящал занятиям, словно находился под неусыпным надзором родителей и хотел доказать им, что не тратит время попусту.

В один особенно теплый день, когда на ней была всего лишь тонкая блузка с расстегнутыми верхними пуговками, он обратил внимание на красивые изгибы ее тела.

Потом она сняла блузку и осталась в купальнике, и он увидел ее мягкий живот и округлые груди, слегка расходящиеся в стороны. Кожу на плечах покрывали крапинки веснушек.

Она загорала на солнышке, пока они с Джошуа играли у кромки воды. Джошуа, как и Холли, называл его просто Субхашем. Это был спокойный молчаливый мальчик, к Субхашу тянулся, но держался немного настороженно.

Они постепенно привязывались друг к другу, играя с Честером, который без конца забегал в воду, а потом смешно отряхивался и бежал к ним с теннисным мячиком в зубах. Холли лежала на животе и наблюдала за ними с солнечными очками на носу, а иногда закрывала глаза и дремала.

Как-то на пляже Субхаш вышел из воды и подошел к ней вытереться полотенцем. Она не оторвалась от читаемой книги и не отодвинулась, когда он сел рядом и когда их плечи почти коснулись друг друга.

Он хорошо осознавал, какая пропасть разделяла их. И дело было не только в том, что она была американка и старше его. Ему было двадцать семь, а ей, по его подсчетам, около тридцати пяти лет. Но она уже влюблялась, уже побывала замужем, уже имела ребенка и уже потерпела неудачу в личной жизни. А ему еще только предстояло познать все это на своем опыте.

Однажды она пришла на прогулку без Джошуа. Это была пятница, и мальчик, оказывается, поехал домой к папе. Для Джошуа важно не терять контакта с отцом, сказала Холли.

Субхашу стало немного неприятно, когда он подумал о том, что Холли разговаривала с отцом Джошуа, что она пыталась рассуждать здраво по отношению к мужчине, который так обидел ее. Возможно, она даже виделась с ним, когда отвозила к нему Джошуа.

Вскоре после того, как они расстелили покрывало, пошел дождик, и Холли пригласила Субхаша поужинать у нее дома. Она сказала, что дома у нее есть в холодильнике тушеная курица и ее можно подогреть. Субхашу не хотелось расставаться с ней, и он охотно принял приглашение.

Он поехал следом за ней на машине Ричарда. Он до сих пор называл ее так, хотя перед отъездом Ричарда в Чикаго купил у него машину.

После съезда с шоссе пейзаж стал унылым и пустынным. Грязная проселочная дорога пролегла через заросли камыша и вскоре привела на песчаный берег. Здесь пейзаж был совсем простой – только песок, море и небо.

Он свернул вслед за Холли на боковую дорожку. Выбеленные солнцем и ветрами ракушки скрипели под колесами. Вскоре они подъехали к дому, одной стороной выходившему на соленый лиман. Перед домом не было лужайки – только покосившаяся ограда с ржавой проволокой. В окрестностях здесь и там виднелись разные одноэтажные домики.

– А почему окна заколочены фанерой? – спросил он, указывая на соседний дом.

– А это на случай шторма. Там сейчас никто не живет.

Он окинул взглядом остальные домики на берегу:

– И кому они принадлежат?

– Богатым людям. Они приезжают сюда на выходные из Бостона или Провиденса. Некоторые остаются пожить на недельку-другую. Но к осени здесь никого уже не будет.

– И никто их не снимает, когда они пустуют?

– Иногда студенты снимают, потому что дешево. А весной вот, например, я здесь была одна.

Коттедж Холли был совсем маленьким – кухня-студия, ванная и две спальни. И очень низкие потолки. Даже дом, в котором он вырос, и то был просторнее.

Холли открыла дверь, которая даже не была заперта на ключ.

В доме оставалось включенным радио. Когда они вошли, по нему прогноз погоды обещал проливные дожди. Честер бросился им навстречу с радостным лаем и виляющим хвостом.

– Забыла выключить? – спросил Субхаш, когда Холли выключила радио.

– Нет, я специально оставляю его включенным – ненавижу приходить в тихий дом.

Он вспомнил их с Удайном радиоприемник и вдруг поймал себя на мысли, что Холли, в некотором смысле, чувствует себя даже более одинокой, чем он. Конечно, она одинока в этой глуши, где даже нет соседей.

Дождь барабанил по тонкой крыше, словно каменная осыпь. Песок за долгое время набился в дом и был повсюду: и между подушками дивана, и на полу, и на ковре перед камином, где любил сидеть Честер.

Холли торопливо вымела песок, как у них дома в Калькутте дважды в день выметали пыль, и закрыла окна. На каминной полке лежали всякие камешки, ракушки и извилистые корни, выброшенные морем, поскольку дом, похоже, украсить было больше нечем.

За окном темнело затянутое тучами небо и сырой песчаный берег.

– А зачем ездить на пляж студенческого городка, когда здесь есть то же самое?

– Да просто хочется сменить обстановку. Мне там нравится крутой обрыв.

Она начала хлопотать на кухне – включила плиту, наполнила водой раковину и стала промывать листья салата.

– Ты не разожжешь огонь? – произнесла Холли.

Он подошел к камину. Рядом лежали горкой поленья и каминные принадлежности. Он отодвинул решетку, нашел коробок спичек.

– Давай я тебе покажу, как это делается, – сказала она, желая избавить его от неловкости.

Холли открыла задвижку трубы, разложила в камине поленья и щепочки, потом протянула ему кочергу и велела сгребать поленья в кучку, когда те разгорятся. Он стал следить за огнем, но она разожгла его так умело, что там и делать особенно ничего не требовалось. Поэтому он просто смотрел на огонь, обдававший теплым жаром его лицо и руки, пока Холли готовила ужин.

Субхашу, конечно, было любопытно узнать, жила ли она здесь с отцом Джошуа и из этого ли дома тот ушел, оставив ее одну с ребенком. Что-то подсказывало ему – отец Джошуа в этом доме не жил. Здесь были только вещи Холли и Джошуа. Их дождевики, куртки на крючках в прихожей, а на полу их обувь.

– Ты не проверишь окно в спальне Джошуа? Мне кажется, я оставила его открытым.

Комната мальчика по размеру напоминала каюту на корабле – такая она была низенькая и тесная. У окна постель, накрытая пледом. Подушка намочена от дождя.

На полу возле книжного шкафа лежал частично собранный пазл лошадок, резвящихся на лугу. Субхаш присел на корточки и достал из коробки несколько фрагментов, но они не подошли.

Он поднялся и заметил на комодѣ фотографию. Субхаш сразу догадался – это отец Джошуа, муж Холли. Мужчина в шортах, босой, стоял на каком-то пляже, на его плечах сидел Джошуа, только еще совсем маленький. Папа повернул голову к сыну, и они оба смеялись.

Холли позвала ужинать. Они ели курицу, тушенную с грибами и вином, на гарнир вместо риса к ней подавался хлеб, подогретый в духовке. Вкус был сложный и вместе с тем приятный.

Субхашу в его порции попался лавровый лист.

– У нас он растет прямо около дома, – сказал он. – Только у нашего листики в два раза крупнее.

– Тогда привезешь мне, когда поедешь навещать своих родных?

Он ответил – конечно, привез бы, но вряд ли теперь, когда знаком с ней, поедет навещать своих родных. Да и сама Холли, возможно, не возобновила бы с ним этих встреч после его возвращения.

Она сказала, что живет в этом домике с прошлого сентября. Отец Джошуа предлагал ей вернуться в их старый дом на Министерал-Роуд, но она отказалась. А этот домик достался ей от бабушки с дедушкой. В девичестве она приезжала сюда ненадолго.

После тушеной курицы был яблочный пирог и чай с лимоном. Дождь продолжал барабанить по стеклу с удвоенной силой. Холли завела разговор о Джошуа. Она переживала, что развод с его отцом может плохо сказаться на психике мальчика. Он и так уже после ухода отца замкнулся в себе, у него появились страхи, которых раньше не было.

– А какие страхи?

– Ну, например, он боится спать один. Ты же видишь, как близко расположены наши комнаты, а он все равно приходит теперь по ночам ко мне в постель, чего не делал уже несколько лет. Он всегда любил купаться, а этим летом начал бояться воды и волн. И еще он не хочет осенью опять идти в школу.

– А недавно вроде плавал в море?

– Ну, может быть, потому, что там был ты.

Тут залаял Честер, и Холли встала, прицепила к его ошейнику поводок, надела дождевик и взяла в прихожей зонт.

– Ты побудь здесь. Зачем тебе мокнуть? Я всего на пару минут.

Субхаш вымыл посуду, пока ждал ее. Он не переставал изумляться самостоятельному стилю ее жизни, теперь начал волноваться за нее – из-за того, что она жила в такой уединенной глуши, даже не запирая дверь на ключ. У нее совсем не было никаких помощников, кроме женщины, приходившей в ее отсутствие посидеть с Джошуа. И это притом, что ее родители жили почти рядом, в другой части Род-Айленда, но они почему-то не приезжали позаботиться о ней.

И все же он не ощутил какого-то совсем уж давящего одиночества, находясь сейчас с ней в этом, казалось бы, пустынном доме. Все-таки им составлял компанию Честер и здесь были вещи и игрушки Джошуа. И даже фотография мужчины, которого она когда-то любила.

– Ой, ну первый раз, наверное, за сто лет мне не надо мыть посуду после ужина! – сказала она по возвращении, когда увидела чистые тарелки и чашки и посудное полотенце, сохнувшее на крючке.

– Да мне нетрудно было.

– Как же ты поедешь в такой ливень? Может, дать тебе дождевик?

– Да нет, и так нормально.

– Тогда давай я хоть доведу тебя до машины под зонтиком?

Он уже взялся за дверную ручку, но ему очень не хотелось уходить, не хотелось расставаться с ней. И он мялся в нерешительности на пороге, чувствуя, как ее щека слегка прижимается к его рубашке на спине. Потом ее рука легла ему на плечо, и Холли спросила, не хочет ли он остаться.

Ее спальня абсолютно походила на комнату Джошуа, но поскольку кровать здесь была больше, то свободного места почти не оставалось. В этой комнате Субхаш забыл обо всем: и о том, что, наверное, сказали бы родители, и о последствиях того, что должно было произойти. Он не думал ни о чем, кроме женщины рядом с ним, нежно водившей его пальцами по своей коже – от шеи к груди.

Ее кожа восхищала его – и эти неровности, и веснушки, и родинки, и оттенки, приданные не только загаром, но и природой, – оттенки, которые он смог разглядеть только сейчас, при свете лампы.

Она привела его пальцы к своему мягкому животу и к пушистому бугорку между ног. Она заметила его растерянность и, словно не веря своим глазам, спросила:

– Что, правда?...

Он смущенно отвернулся:

– Мне надо было сказать тебе.

– Ой, Субхаш, да это не имеет никакого значения!..

Ее пальцы довели его до эрекции и направили куда нужно. Он был и смущен, и возбужден – ведь он испытывал сейчас и делал то, что раньше могло существовать только в его воображении. Он вошел в нее, даже не отдав себе отчета, и в то же время каждой жилочкой, каждым нервом чувствовал, куда он вошел...

Дождь прекратился. Вода с листьев дерева над домом посыпалась на крышу, словно поздравительные рукоплескания. Он лежал рядом с Холли и думал: «Нужно поехать к себе

домой», но через несколько минут обнаружил: Холли не просто притихла, она, оказывается, уснула.

Он не хотел будить ее или уходить не попрощавшись, поэтому остался. В постели, согретой жаром их тел, он поначалу не мог уснуть. Его отвлекало ее присутствие рядом, несмотря на только что произошедшую близость.

Он проснулся утром от звука близкого дыхания Честера, от запаха его шерсти и цоканья когтей по полу вокруг кровати. Потом пес встал перед Холли и просто ждал. В комнате было тепло и светло.

Во сне Холли лежала спиной к Субхашу и уютно прижималась к его телу, одеяло было сброшено. Встав с постели, она натянула на себя джинсы и блузку, в которых была вчера, и сказала:

– Я приготовлю кофе.

Субхаш быстро оделся. По дороге в ванную он посмотрел на открытую дверь комнаты Джошуа. Отсутствие ребенка дало им новую возможность в отношениях.

Холли вывела на улицу Честера, а по возвращении предложила Субхашу позавтракать. Субхаш отказался под предлогом срочных дел.

– Сообщить тебе, когда Джошуа в следующий раз поедет к отцу?

Субхаш пребывал в растерянности – он понимал: их совместная ночь могла быть только началом, а не концом, но в то же время ему не терпелось поскорее увидеться с ней снова.

– Как хочешь.

За порогом он увидел, что идет прилив. Небо было ясное, море спокойное. Никаких следов ночного шторма, кроме наметенных прибоем водорослей, лежавших на песке пустыми гнездами.

Глава 3

Ему хотелось рассказать обо всем Удаюну. Хотелось поведать брату о новом важном периоде в его жизни. Хотелось рассказать, кто такая Холли, как она выглядит, как живет, чем занимается. Хотелось обсудить с братом их теперешние знания в области общения с женским полом. Но о таком он не мог написать в письме или в телеграмме. Или даже сказать по телефону.

По пятницам он теперь ездил вечером к Холли и оставался у нее ночевать. В остальное время они встречались мало – иногда только выбирались на прогулку с бутербродами на море. Большую часть недели он мог делать вид, если бы захотел, что вовсе не знаком с Холли, что в его жизни ничего не изменилось.

Но в пятницу вечером он ехал к ней – сначала по шоссе, потом по проселочной дороге, где лес по обочинам сменялся солончаками. Он проводил у Холли всю субботу, а иногда и воскресное утро. Холли была не требовательна к нему и держалась очень легко. И каждый раз при расставании уверяла: они обязательно встретятся снова.

Субхаш и Холли гуляли по пляжу, по твердому песку, ребристому от прилива, плавали в холодной воде, ощущая во рту ее соленый вкус. Вода словно проникала к нему внутрь, в каждую клеточку его тела, словно очищала его, набивала его волосы песком. Ему очень нравилось плавать на спине, не чувствуя собственного веса, вытянув в стороны руки, не слыша никаких звуков – только глухой шум моря, солнце, мерцающее в осеннем небе, как горящие угли.

Пару раз они были вынуждены заниматься рутинными повседневными делами, словно уже были мужем и женой. Ходили вместе в супермаркет, набивали тележку продуктами и записывали потом пакеты с едой в багажник ее машины. Этим он никогда не стал бы заниматься вместе с женщиной до свадьбы, если бы жил в Калькутте.

В Калькутте, когда он был студентом, ему нравились многие женщины, но он стеснялся к ним приставать. Он и за Холли-то не ухаживал, хотя у него перед глазами всегда были друзья по колледжу, которые энергично ухаживали за женщинами, и те в итоге становились их женами. Удаян наверняка ухаживал за Гори. Субхаш не водил Холли в кино или в рестораны. Он не писал ей записок и не просил ее подружек передать.

Холли этого было не нужно. Единственным местом, где им имело смысл встречаться, стал ее дом – там им было легко и удобно, оба чувствовали себя свободно. Они проводили время за беседой, за долгими разговорами о своих семьях, о своем прошлом. Впрочем, Холли никогда не заводила разговоров о своем распавшемся браке. Зато она не уставала расспрашивать о его былой жизни, о его юношеских годах. О самых обыкновенных и заурядных подробностях его жизни, которые не произвели бы никакого впечатления на любую девушку из Калькутты. Но в глазах Холли предыдущая жизнь на родине делала Субхаша каким-то особенным.

Однажды вечером они вернулись из продуктового магазина, где купили кукурузу и арбуз для празднования Четвертого июля. Субхаш рассказал Холли, как его отец каждое утро ходил с сумкой на базар. Покупал еду только на один день. Если мать жаловалась на скудость покупок, он отвечал ей так: «Лучше съесть маленький кусочек рыбки с удовольствием, чем большой кусок без оного». Так что Субхаш на своем опыте знал, что такое жить впроголодь, когда не воспринимаешь еду как нечто само собой разумеющееся.

Он рассказал Холли, что иногда они с Удаем сопровождали отца на базар, вместе с ним стояли в очередях под зонтиком в самый зной, помогали нести покупки. Рыбу, овощи, плоды манго отец тщательно выбирал, обнюхивая их и щупая, иногда даже специально брал неспелые и дома клал дозревать в темное место под кровать. По воскресеньям они покупали

у мясника парную козлятину, которую тот срезал прямо с подвешенной на крюке туши, взвешивал на весах и заворачивал в сухие листья.

— У вас с отцом были теплые отношения? — спросила Холли.

Ему почему-то вспомнилась фотография в комнате Джошуа, где мальчик сидел на плечах у отца. Отец Субхаша не был каким-то особенно нежным родителем, но он был цельной натурой.

— Я восхищаюсь им, — ответил он.

— А с братом вы ладили?

Он помолчал.

— И да и нет.

— Ну, так часто бывает, — сказала она.

В ее тесной спальне, отбросив в сторону чувство вины, он возвращал в себе неповиновение родительской воле. Хотя он, конечно, понимал: этой храбростью он обязан, скорее всего, огромному географическому расстоянию, разделявшему его с родителями.

Нарасимхана он теперь расценивал как своего рода союзника. Нарасимхана и его жену-американку. Иногда он пытался представить себе, как выглядела бы его подобная жизнь с Холли. Если бы он, вопреки воле и ожиданиям родителей, решил навсегда остаться в Америке и обзавестись здесь семьей.

В то же время он прекрасно понимал — это невозможно. И даже не потому, что Холли была американкой. Ее ситуация, ее ребенок, ее возраст, ее официально замужнее положение — все это было бы немыслимым для его будущей жизни. Родители никогда не смогли бы принять этих фактов и смириться. Они просто не приняли бы Холли.

А Субхаш совсем не желал, чтобы Холли прошла через такое. И все же он продолжал видеться с ней по пятницам, продолжал следовать своим новым тайным путем.

Удаян, конечно, понял бы его. Возможно, даже стал больше уважать бы его за это. Но Удаян не мог бы сказать Субхашу ничего такого, чего бы тот уже не знал. Что он имеет связь с женщиной, на которой не намерен жениться, с женщиной, к которой он все больше и больше привыкал, но которую в силу своих собственных внутренних противоречий он все же не любил.

Поэтому он ни с кем не делился тайной отношений с Холли. Их встречи продолжали оставаться секретом для всех. Родительское неодобрение, грозившее подорвать эти отношения, маячило где-то в глубинах его сознания, как вратарь в футбольных воротах. Но родителей не было рядом, и поэтому он мог себе позволить не думать об их недовольстве, отодвигая подобные мысли все дальше и дальше от себя, как отдаленный желанный горизонт от корабля, которому так и не суждено пристать к берегу.

Однажды в пятницу они не смогли увидеться — Холли позвонила и сообщила: в последнюю минуту планы изменились, Джошуа не едет к отцу на выходные. Субхаш, как ни странно, не очень расстроился.

В следующие выходные, когда они снова встретились, телефон зазвонил прямо за ужином. Холли пересела с телефонным аппаратом на диван. Субхаш вдруг понял, что это отец Джошуа.

Оказалось, у Джошуа поднялась температура, и Холли наставляла бывшего мужа, какие лекарства дать мальчику.

Субхаша удивило и даже немного задело то, как спокойно, без какой бы то ни было неприязни в голосе, Холли разговаривала с бывшим мужем. Человек на другом конце провода оставался глубоко близким для нее. Они расстались, но Джошуа продолжал связывать их тесными узами.

Субхаш сидел за столом спиной к Холли, не ел и ждал, когда телефонный разговор закончится. Он посмотрел на настенный календарь.

Завтра 15 августа – День независимости Индии. Этот праздник будут отмечать по всей стране – иллюминация, флаги, парады, – а здесь рядовой, обычный день.

Холли повесила трубку.

– Ты какой-то расстроенный, – заметила она. – Что-то стряслось?

– Нет, просто кое-что вспомнил.

– Да? А что?

Это было его первое детское воспоминание – август 1947 года, – хотя иногда ему казалось, что это просто какие-то выкрутасы его памяти. Именно та ночь навеки запомнилась всей стране, и его личные воспоминания всегда потом перемешивались с рассказами родителей.

В тот вечер, когда в Дели гремел салют, когда министры произносили торжественные клятвы при вступлении в должность, когда Ганди принес долгожданный мир в Калькутту, в тот вечер, когда родилось новое государство, мысли его родителей были заняты только одним. Удаюну было тогда всего два года, Субхашу – около четырех.

В памяти осталась чужая рука доктора, коснувшаяся его лба, легкие шлепки по рукам и по подошвам его ног. Он помнил, как их с братом трясло от озноба, помнил мутную пелену в Удаюновых глазенках, нездоровый пунцовый румянец на его щеках, бессвязные звуки и стоны в бреду.

– Мои родители тогда перепугались, думали, это брюшной тиф, – сказал он Холли. – Они несколько дней тряслись за нас, боялись, что мы умрем, как умер незадолго до того один соседский мальчик. Даже сейчас, когда они вспоминают тот случай, в их голосе звучит страх. Словно они до сих пор ждут, когда у нас спадет жар и болезнь отступит.

– Да, так всегда бывает, когда люди становятся родителями, – сказала Холли. – Если твоему ребенку что-то угрожает, время как будто останавливается. Все остальное тогда становится не важно.

Глава 4

В одни из сентябрьских выходных, когда Джошуа, как всегда, уехал к отцу, Холли предложила съездить в ту часть Род-Айленда, где Субхаш никогда не бывал. На кораблике они прокатились от Галилеи до Блок-Айленда, то есть преодолели по морю более десяти миль, и потом пешком прогулялись от гавани до гостиницы.

Благодаря какому-то отмененному в последний момент заказу им удалось поселиться в номере на верхнем этаже, который оказался даже еще лучше, чем тот, что забронировала Холли, – с роскошным видом на море и огромной двуспальной кроватью. Первое, что они увидели из окна номера, это летящую стаю птиц – пустельги отправились на зимовку в южные края. Когда Субхаш и Холли распаковывали вещи, она вручила ему приготовленный заранее подарок – бинокль в коричневом кожаном чехле.

– Да ну какая необходимость? – сказал он, но подарку обрадовался.

– А мне кажется, в самый раз. Для укрепления наших отношений, – возразила Холли.

Он поцеловал ее в плечо, в губы. Ему нечего было подарить ей взамен. Он покрутил колесико линз и надел бинокль себе на шею.

Курортный сезон на острове уже почти заканчивался, туристов становилось все меньше, многие рестораны закрывались, только парочка работала для местного населения, живущего тут круглый год. Астры ярко цвели, листья плюща начали краснеть. Солнце сияло вовсю, и воздух был чист и безмятежен – словом, пока прекрасный летний денек.

Они арендовали велосипеды и поехали кататься по окрестностям. Субхашу поначалу с трудом удавалось удерживать равновесие – ведь он не сидел на велосипеде со времен детства, когда они с Удаяном учились кататься на велике по тихим улочкам Толлиганга. Он помнил, как вихляло переднее колесо, когда один из них крутил педали, вцепившись в руль, а другой сидел сзади на багажнике.

Сейчас в кармане у него лежало сложенное вчетверо письмо от Удаяна. Оно пришло накануне.

Сегодня в нашу с тобой комнату залетел воробей. Ставни были открыты, вот он и впорхнул. И летал, хлопая крыльями, по комнате. И я вспомнил тебя – подумал, какой восторг наверняка вызвало бы у тебя это пустяковое происшествие. У меня появилось ощущение, будто ты снова дома. Конечно, он упорхнул обратно на улицу, как только я вошел.

Мне сейчас двадцать шесть, и это меня еще пока греет. А тебе через пару лет стукнет тридцатка. Нас с тобой ждет новая фаза жизни – большие половины пути до полтинника уже прожито!

Жизнь моя начала мне уже как-то приедаться, однообразие и скукота – по-прежнему преподаю, даю частные уроки студентам. Будем надеяться, что они смогут достичь более высоких целей, чем я. Самые приятные для меня моменты каждый день – возвращение домой к Гори. Мы вместе читаем, слушаем радио – так проходят вечера.

А ты знаешь, что в двадцать шесть Фидель Кастро уже был брошен в тюрьму? К тому времени у него за плечами уже было наступление на казармы Монкада. А его брат одновременно с ним сидел в тюрьме. Их содержали отдельно, не разрешали видеться друг с другом.

Кстати, насчет общения. Я вот тут недавно читал о Маркони. Ему было двадцать семь лет, когда он сидел в Ньюфаундленде, слушая букву S из

Корнуолла. Его беспроводная станция на мысе Код вроде бы недалеко там от тебя. Она находится в местечке под названием Уэллфлит. Ты был там?

Письмо и утешило Субхаша, и вместе с тем смутило покой. Упоминания о тайных закодированных знаках вызвали в памяти игры былых времен, их с Удааном морзянку. Удаан упоминал в письме о Кастро, но при этом описывал тихие спокойные домашние вечера с женой. Неужели Удаан сменил одну страсть на другую? Может быть, он теперь целиком и полностью посвятил себя Гори?

Субхаш ехал за Холли по извилистым узким тропинкам, мимо громадных солончаков, разделявших остров на две части. Мимо лугов и красивых частных домов с башенками. На пустынных пастбищах, местами обнесенных каменной оградой, там и сям белели валуны. Деревья встречались редко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.